

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Н.А. ЛАКОБА

НЕСТОР

Альманах

№ 3

Сухум, 2024

УДК 93/94(050)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Н 56

Главный редактор
С.З. Лакоба

Редакционная коллегия:
Н.Д. Ашуба, А.Я. Дбар (отв. секретарь), А.Р. Латария

НЕСТОР. Альманах. № 3. Сухум, 2024. – 96 с.
Г/р 978-5-111-10022

«**Нестор**» – альманах Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, в котором публикуются историко-публицистические материалы по абхазской тематике, в основном, 20–30-х гг. XX века.

Верстка – *К.И. Бигвава*
Обложка – *А.З. Лабахуа*

Фото на обложке:
В 1933–1935 гг. в Сухуме построена гостиница «Абхазия»
(архитекторы А.В. Щуко и В.Г. Гельфрейх)
и высажена аллея пальм «Вашингтония»

Формат 60х90 1/16. Тираж 100 экз.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Путин об Абхазии	5
-----------------------------	---

Интервью

Станислав Лакоба: «От Джорджа Вашингтона до Нестора Лакоба»	6
--	---

В доме Нестора и Сарии... (Светлой памяти Л.В. Маляя)	15
---	----

Письмо М. Джихашвили Б.В. Адлейба	18
---	----

<i>По страницам книг, газет и журналов</i>	19
--	----

Из села Лыхны

Приговор 1885 года. Январь 12 дня	22
---	----

Воспоминания

В.В. Верещагин. Воспоминания сына художника. Имение на Кавказе	25
---	----

Дневники

С.С. Прокофьев. Дневник (фрагменты)	33
--	----

Русские писатели в Абхазии

В.П. Пачулия. Леонид Леонов	42
--	----

Леонид Леонов и Бруно Ясенский в Гаграх	44
---	----

В Абхазском Народном Совете (1917–1921)

Г. Королев. Письма из Абхазии. О положении и настроениях в Сухумском округе	46
--	----

И. Маргания, М. Тарнава. Ответ «делегации» Народного совета Абхазии и газ. «Борьба»	48
--	----

М. Тарнава. Друзья и враги демократии Абхазии	51
--	----

Из жизни эстонцев

М. Томберг. На пути в Абхазию	58
Красная поляна. Эстосадок. Дом Хелларда Тобиаса. 23 августа 1988 г.	62

Свидетельства

Р.Х. Агуажба. Об одном стихотворении Д. Гулиа	64
Сталин в Лдзаа	65

Из архива

Николай II и восстановление Бедийского собора	66
---	----

Биографии

История одной семьи	68
Ф. Тимофеев. Хагуш Иван Халилович (1913–1989)	70
Игумнов Николай Васильевич (1855–1924)	74

<i>Редкая фотография</i>	75
--------------------------------	----

Рецензии

С. Манышев. Timothy K. Blauvelt, Clientelism and Nationality in an Early Soviet Fiefdom: The Trials of Nestor Lakoba (London; New York: Routledge, 2021). 264 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 978-1-032-01002-1	77
Дж. Хьюитт. Бловельт, Тимоти К. Клиентелизм и национальность в ранней советской вотчине. Испытания Нестора Лакобы. Abingdon/New York, 2021. XV + 248 стр. карта	83

<i>Хроника</i>	86
----------------------	----

<i>Новые книги</i>	89
--------------------------	----

В.В. ПУТИН ОБ АБХАЗИИ

Президент России В.В. Путин, находясь в Екатеринбурге 9 июля 2019 г., особо отметил:

«По указанию Сталина НКВД во главе с Берией предприняли очень жесткие меры в отношении абхазов, очень жесткие, просто, даже не хочу сейчас воспроизводить, – с целью поглощения Грузией этой территории и абхазского народа».

Станислав ЛАКОБА: «ОТ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА ДО НЕСТОРА ЛАКОБА»

На этой неделе была опубликована статья Грузинской службы Радио Свобода о презентации книги «Клиентизм и национальность в советской Абхазии» американского историка Тимоти Блаувельта. Цель книги, как пишет сам Блаувельт, снять пелену с мифологизированного образа абхазского государственного деятеля Нестора Лакоба. Абхазский историк Станислав Лакоба представил свое мнение об этой книге.

– Станислав, на «Эхо Кавказа» опубликован материал Эки Кеванишвили, в котором она рассказывает о презентации книги Тимоти Блаувельта «Клиентизм и национальность в советской Абхазии» Нестора Лакоба. Знакомы ли вы с этой книгой, что можете сказать о ее авторе и в целом об этой книге и о публикации?

– Насколько мне известно, книжка вышла в 2021 году на английском языке. Она была издана в Нью-Йорке, в Лондоне, насколько я знаю. Сейчас ее перевели на грузинский язык. Можно сказать об авторе, что это американец, который живет и работает в Тбилиси, в Университете Ильи, занимается историей, это такой грузинский американец. И соответствующее изложение в этой книге как раз говорит о многом. Он обращался ко мне как-то по поводу того, чтобы идентифицировать некоторых людей на фотографии. Одна из этих фотографий была сейчас размещена в публикации – это дача Смецкого, где Нестор Лакоба, Берия, Владимир Ладария, Василий Лакоба и другие. На русском языке книга не была издана, и потому очень сложно судить о ней, хотя с помощью соответствующего перевода какие-то вещи и отдельные фрагменты переводились. Я знаком с какими-то материалами, но не всеми. В то же время хочу сказать, что эта публикация на «Эхе Кавказа» поставила очень много вопросов.

– Какие это вопросы?

– Прежде всего, связанные с Нестором Лакоба, с его окружением, с его политикой. Мне кажется, очень многие вещи автором по-

няты буквально в лоб, приняты за чистую монету. Даже некоторые высказывания Нестора Лакоба, он мог по-разному высказываться, в зависимости от того, что ожидало народ и людей. Он действовал в интересах Абхазии всегда, и это, конечно, раздражало. И нельзя сказать, что у него прямо такой патрон был, он был его клиентом и выполнял волю Сталина и других. Он тоже ловчил и хитрил, по-своему. Он в полном смысле не был большевиком, он больше был народным лидером, самородком. Известно его отношение к коллективизации, например. Он вообще был против того, чтобы колхозы в той форме, в которой они предлагались, были здесь. И народ это тоже поддерживал. И события Дурипшского схода 1931 года об этом как раз и говорят. Но в книге совершенно другая трактовка событий. С чем, конечно, нельзя согласиться. Он и в интересах многонационального населения Абхазии действовал. Потом он [Блаувельт] знаком только с некоторыми документами, он не знает и не прочувствовал всей ситуации. Ему даже не нравится, что иной раз приводятся мнения и воспоминания очевидцев, тех, кто жил в то время. Это ведь было не двести лет назад. Это очевидцы, которые находились рядом с Нестором Лакобой. Например, жена Михаила Лакоба, которая более 20 лет отсидела в лагерях, и вернулась. Это ценнейший, в общем, источник. Она очень много рассказывала мне, очень многие подробности. Так что Нестор был совершенно другой человек, совершенно не таким, каким его пытается представить Блаувельт в своей работе.

– В этой публикации о презентации книги Блаувельта можно прочитать о том, что Тимоти Блаувельт использовал архивы ЦК Компартии Грузии. Перечисляются еще какие-то документы. Что бы вы сказали, Станислав, об этих архивах, которыми пользовался автор при написании этой книги?

– Эти документы известны, они хранились в ЦК Компартии Грузии еще в советское время. Но историки их не приводили не потому, что не могли, а потому что они были настолько одиозными, что было понятно, для чего они написаны. Вообще, эти документы по комиссии Кадырова, комиссии Цейтлина, это все складывалось в тот период, когда были осложнены отношения внутри Абхазии, когда Нестора пытались сместить и внутренняя оппозиция, и внешние силы, недовольные тем, что он управляет Абхазией довольно свободно, вольготно, имеет выход на Сталина и может решать очень многие вопросы. Это, конечно, многим не нравилось,

в том числе и внутри Абхазии. И вот каждый раз такие документы появлялись, когда были такие осложнения, 1925-й год, 1929-й год, 1931-й год. И каждый был привязан к каким-то очень серьезным событиям в Абхазии. Я эти документы в свое время смотрел, еще смотрел архив, который находится в Америке, и на который он [Блауфельт] сейчас ссылается, где он работал, это архив Нестора Лакоба. Насколько мне известно, сын Мусто Джих-оглы (Джихашвили) его продал Гуверовскому институту, и эти материалы там хранятся, в частности, Кадырова и других. То есть, благодаря Сарии [Лакоба, жена Нестора] остался этот архив.

– Вы видели эти документы, знакомы с ними?

– Конечно, я знаком с этими документами, еще в 1990-м году у меня вышла книга «Очерки политической истории Абхазии», и до этого были у меня публикации, в 1983-м году с Людмилой Маля мы летали в Батуми и как раз занимались этим архивом. Людмила Маля была директором музея Нестора Лакоба, который, как вы знаете, пострадал, его сожгли в конце войны, сейчас вот восстанавливают. Конечно, я с этими материалами был знаком задолго до Блауфельта. Причем есть шикарная книга о Сталине, она вышла в 2004 году, а в 2008 году она вышла на русском языке, ее автор – прекрасный английский исследователь-картвелолог, литературовед и историк Дональд Рейфилд. Я ему в свое время рассказывал об этом архиве, он проявил большой интерес, работал и издал очень объективную книгу, которая абсолютно никак не вяжется с тем, что предложил господин Блауфельт. Я это расцениваю в рамках информационной войны против Абхазии, чтобы здесь вообще не было ни героев, ни лидеров, ни исторических личностей. Он замахнулся даже на Сарию Лакоба, приводя какие-то клеветнические материалы.

– Станислав, что это за клеветнические документы?

– По сути, отчет ГПУ, когда искали, к чему придраться, и такие вот доносы публиковали, понятно почему, такое чувство, что после смерти Нестора и гибели Сарии, даже их смерти кое-кто завидует, это не дает им покоя. Вот такое чувство. Хотят очернить. Я считаю, что книга Блауфельта – это сплошное очернение. Вы посмотрите название глав, параграфов, подзаголовки, все из этих доносов состоит. Ну и, конечно, он очень преувеличивает: якобы то, что говорили в Москве, то здесь на месте и выполнялось. И даже приводит какую-то цитату, когда Нестор говорит по поводу Сталина. Ну, мог

он так говорить. Это было время такое, и нужно говорить об этом времени. А то, что они были очень близки, – это факт. Очень часто приходится слышать такие отзывы определенных людей, но ведь абсолютно не принимают во внимание, что главой правительства Нестор Лакоба стал в 29 лет, а в 43 года его уже не было в живых. Он, по сути, не только свою жизнь, но и жизнь своей семьи положил на алтарь Абхазии. Это очевидно. Очень многие вещи он не выполнял и не исполнял, и даже очень рискованно вел себя, и поэтому все закончилась такой вот трагедией. То есть его фигура была неоднозначной.

– *Станислав, вам известно, были ли какие-то отклики на эту книгу?*

– Ну да, конечно, отклики были. Были не просто отклики, рецензии вышли. Вот одна – члена Британской академии наук, профессора Лондонского университета Джорджа Хьюитта, профессора Лондонского университета. В 2022 году вышла его рецензия, очень лаконичная, по-деловому написанная, критичная. Он выражает недовольство и делает дельные замечания.

– *Например?*

– Например, он пишет, что «Блаувельт идет к своей цели, цитируя обильные выдержки из архивов бесчисленных обвинений, выдвинутых иногда неоднократно против Лакобы на протяжении многих лет со стороны, возможно, недовольных или завистливых лиц, или следственных комиссий, направленных в Сухум, или сформированных в Тбилиси для их расследования». Шла борьба, Нестор не ладил со многими секретарями ЦК КП Грузии, он не вполне подчинялся решениям партии. Вот здесь, когда он (Блаувельт) говорит о том, что был патрон, и была клиентура, что они выполняли любое решение, любой бзик, ничего подобного не было. Известно письмо Сталина 1929-го года, где он обвиняет Лакоба, пожурил его и говорит, что ошибка Нестора в том, что он, мы все это знаем, иногда не подчиняется решениям партии, и другая его ошибка – это не большевистская позиция, он опирается на все слои абхазского населения. Лакоба говорил, что «у нас кулака нет как класса, нам не с кем бороться». Потом уже в письмах были какие-то вещи, он же в принципе был зависим от определенных структур – от партии, ЦК Грузии над ним был, ЦК ВКП (б), были соответствующие службы ГПУ, которые подчинялись непосредственно Москве. С этим приходилось считаться.

– В книге Блауверльта есть ссылка на то, что после крестьянского восстания 1931 года против коллективизации, якобы, Нестор Лакоба писал письмо в Тбилиси, в котором называл восставших крестьян бандитами, преступниками и так далее. Как бы вы это прокомментировали?

– Элементарно. Он, в общем-то, спас народ, тогда не применили силу, потому что даже его мать шла среди восставших на цепи, в которых стояли пулеметчики, и этот вопрос разрешился. Берия не осмелился открыть огонь, тогда была бы масса жертв. Причем, есть свидетельство инструктора ЦК ВКП(б) Козлова, где он говорит, что некоторые готовы были его чуть ли не разорвать, настроение было такое, а потом после его выступления крестьяне его на руках понесли и стали подбрасывать. И вот этот Козлов пишет, что это не большевистская позиция, когда он выступил и сказал, что все мы равны, мы все абхазцы. То есть, это не понравилось, и была написана в Москву огромная «телега» этим Козловым. Причем здесь внутри очень многие партийные работники, так называемые его соратники, в общем-то, против него и в ГПУ писали письма. Может быть, несколько человек могли подвергнуться репрессиям, но вот я скажу, что в основном в 1937 году уже после смерти Лакоба расправились со всеми участниками Дурипшского схода. А до этого единицы, здесь есть даже у меня документальные примеры. Вот, Авидзба Сулейман из села Абгархук, был арестован 23 мая 1931 года за антисоветскую деятельность, имеется в виду Дурипшский сход, освобожден 10 июля 1931 года ГПУ Абхазии. Лакоба очень многих возвращал, но тогда были ситуации, когда он уже не мог ничего сделать. Вот, Агрба Кукун Хасанович, село Эшера, арестован 24 февраля 1931 года, освобожден 10 июля 1931 года. Потом Ахба Виссарион, село Лыхны, проходит в документах, как кулак, руководил отрядом «Киараз» из 300 человек. В 1931 году был арестован, но осужден не был, а расстрелян был 10 октября 1937 года. И таких примеров очень много, это известно. И, кстати, это потом ставилось в вину Нестору Лакоба. То есть, кого мог, он спасал. Тех, кем занималось абхазское ГПУ, им, как правило, не предъявляли обвинения и освобождали, но были другие, которые были арестованы уже непосредственно ГПУ Грузии. И там, конечно, Лакоба уже ничего сделать не мог. Насколько мог, он помогал. Например, известно, что был такой Сит Эбжноу, известный оратор, он там [на Дурипшском сходе] высту-

пал здорово. Так вот, Берия постоянно обращался за тем, чтобы его арестовали, Лакоба его не давал арестовать. И он пережил Нестора Лакоба. Когда в театре в ноябре 1937 года было судилище 13-ти человек публично, Сит Эбжноту там был, но он же не был ни партийным, ни государственным деятелем, он был крестьянином, и его там судили и расстреляли. Причем Берия приехал и сам лично руководил этим процессом. Это известные вещи.

– *Станислав, давайте вернемся к рецензии Джорджа Хьюитта.*

– Я хотел бы сказать, что Джордж Хьюитт обратил внимание на то, какую роль сыграла эта книга. Он пишет: «Если бы абхазы когда-нибудь ознакомились с этим произведением, – то есть с работой Блаувельта, – какова была бы их вероятная реакция? Репутация Нестора Лакоба не только не уменьшится, но, несомненно, улучшится, учитывая навыки, которые он должен был использовать для преодоления разнообразных проблем и достижения того, что он сделал для Абхазии за 15 знаменательных лет правления». Вот исчерпывающая характеристика. И он задает Блаувельту вопрос: «Ну, а как вы тогда объясните непреходящую популярность Лакоба?» Это же было связано не только с тем, что он, по сути, был отравлен, погиб. Он даже это пытается отрицать, обходит как бы стороной. А Дональд Рейфилд, например, прямо пишет, что Агаси Ханджян был застрелен прямо в кабинете у Берия в ЦК в 1936 году, а Лакоба был отравлен. В принципе, об этом все знали.

– *А кто такой Агаси Ханджян?*

– Это руководитель Армении. За несколько месяцев до гибели Лакоба, он прямо в кабинете был убит. Его завернули в ковер и окровавленного унесли, потом сказали, что, якобы, он покончил жизнь самоубийством либо умер, разные версии были.

– *Вы считаете, что Тимоти Блаувельт ставит под сомнение убийство Нестора Лакоба?*

– Он ссылается на официальное сообщение о том, что он умер от сердечного приступа. Вы меня извините, но мне гораздо важнее, как к этому относился Осип Мандельштам, у которого есть стихотворение на его смерть. А то, что произошло потом, как были арестованы жена, мать, сын чего ж их так преследовали? Почему так искали этот архив, который сейчас в Америке, и Блаувельт сидит в

уютном кабинете и читает эти материалы? Но ведь это она их сохранила ценой своей жизни. А он еще пытается ее дегтем помазать, понимаете? С какой целью это делается? Кстати говоря, он даже там где-то сравнивает Нестора Лакоба с Джорджем Вашингтоном. Мне, знаете, в голову сразу пришла такая простая вещь. Мы же знаем, что сейчас творится в Америке, как уничтожают памятники времен гражданской войны, уничтожают фактически память о тех, кто принимал в ней участие, это исторические личности. А Блаувельт проводит такую параллель. Причем, он негативно говорит о Джордже Вашингтоне.

– Станислав, помимо Джорджа Хьюитта, еще какие-то отклики на эту книгу были? Вы с ними знакомы?

– Кстати, вышла тоже очень интересная рецензия Сергея Манышева, это молодой, но уже именитый историк, в издании «Ab Imperio» в третьем номере за 2023 год. И он, кстати, пишет, что Блаувельт сравнивает образ Нестор Лакоба сформировавшийся сегодня с фигурой Джорджа Вашингтона. Говорит: «Хороший и добрый отец нации, честный до безобразия, который не мог ошибиться или обмануть, любимый и уважаемый народом», с сарказмом говорит, что он примерно такой же, как и Нестор Лакоба, понимаете? А на самом деле, мол, все было по-другому. Возвращаясь к тому, о чем я говорил, что есть вопросы серьезные, потому что не было критического подхода к документам у Блаувельта. Вот он берет документы из архива ЦК Компартии, из архива ГПУ, которые составляли люди Берия, ясно же какое отношение было у Берия к Лакоба. И всю грязь, все, что слышали в Сухуме, когда по улицам ходили и все записывали. И вот, посмотрите, что здесь пишет Манышев: «Автор посвящает несколько глав скрупулезному разбору всевозможных доносов на Лакобу и реакции на них с его стороны, а также со стороны партийных органов Грузии. Иногда подбор фактов и их изложение создают впечатление, особенно это касается глав 3, 4 и 6, будто вся история Абхазии в рассматриваемый период определялась исключительно злоупотреблениями личной властью Лакобы. Автор обильно и, на мой взгляд, даже слишком обильно цитирует партийные документы и выдержки из частной переписки Лакобы. В связи с этим возникает важный вопрос, насколько можно доверять официальным документам сталинской эпохи? Всегда ли изложенная в них информация соответствовала действительности? Думаю, что нет, и масса

введенных в научный оборот за последние 30 лет документов того периода только подтверждает обоснованность подобных сомнений. Тогда встает следующий закономерный вопрос, насколько правдоподобными были те обвинения, которые выдвигались в адрес Лакобы? Не были ли они лишь риторическим отражением борьбы за власть, оформленной при помощи систематических доносов? К сожалению, автор вовсе не касается этого чрезвычайно важного вопроса». И далее: «Остается сожалеть, что автор не стал углубляться в обстоятельства смерти своего героя, упомянув лишь то, что, по его словам, вошло в область «мифологии» – обед у Берии, после которого Лакобе стало плохо, и он скончался. Этот сюжет стал кульминацией взаимоотношений между двумя политическими деятелями. От его интерпретации зависит понимание функционирования советской системы управления. Если действительно Лакоба был отравлен, было ли это сделано с одобрения Сталина, а если нет, то почему Берия сошла с рук самодеятельность такого масштаба?» Вот, Сергей Манышев пишет в заключении, что: «Вероятно, на концепцию исследования и его выводы оказала влияние используемая источниковая база. В основе книги лежат грузинские архивы, и можно лишь сожалеть, что автор не привлек материалы из российских архивов». Он, кстати, взвесил все «за» и «против» этой работы и пишет, что «Блаувельт успешно воскресил Лакобу из незаслуженного забвения». В результате его работа сыграла вот такую шутку с ним. Такая вот история. В 2021-м году, как только вышла книга, я написал небольшой свой отзыв, где как раз об этом и говорил. Таким образом нельзя подбирать архивные документы, вот почему их не брали даже грузинские историки. Они этого не делали, потому что было очевидно, что все они в виде доносов.

– Тимоти Блаувельт пишет о том, что «в современной Абхазии Нестор – мифологическая персона. Время его правления абхазы считают раем, который они потеряли из-за Берия и бериевичины». Блаувельт также считает, что самое полезное, что может сделать его книга, это снять мифологическую пелену с исторических событий и людей. Удалось ли автору снять эту пелену?

– Да нет, я думаю, он ее загрузил новой мифологией, но уже на основе доносов. На основе доносов он зарядил такую уродливую мифологию, о которой он даже не предполагает. Дело в том, что бессмысленно бороться с памятью о Несторе Лакобе или Сарии, потому что эти имена вошли в историю не только Абхазии. Возьмите поэму

«Нестор и Сария» Семена Липкина, которая написана в 1956–1962 годах. И разве он говорил когда-нибудь или кто-то говорил, что какой-то правитель был идеальным, идеальных правителей никогда не было. Он пытается копаться в каком-то грязном белье, потому что все эти доносы – это ужасные вещи. Когда-то очень четко об этом сказал в поэме «Нестор и Сария» Семен Липкин. Почему я его цитирую? Потому что он ее написал со слов тех людей, которые были близки к Нестору Лакоба. Это не воспоминания через сто лет. Это люди, которые были в лагерях, которые рассказывали, в том числе и брат Сарии. Я могу вам прочитать, тут такая характеристика очень интересная:

Он все любил в своем родном народе:
Обычаи, и эпос, и князей,
Которых он оставил на свободе
И как бы превратил в живой музей.
Он выселял абхазцев с неохотой,
Кулак уничтожался разве сотый,
И то, коль Нестор к стенке был приперт.
Он был в своей приверженности тверд,
Абхазия была его работой...
Он знал, какие хитрости в цене,
Порою шел от правды в стороне,
Порою по кривым ступал дорогам,
Когда же превращался он в кристалл?
Когда он за Абхазию стоял.

Это так и было, поэтому такая любовь и такое отношение к Нестору Лакоба.

*Беседовала Елена Заводская
17 февраля 2024 г.*

В ДОМЕ НЕСТОРА И САРИИ...

(Светлой памяти Л.В. Маля)

В 1982–1983 гг. директор Историко-мемориального музея Нестора Лакоба интеллигентная и степенная Людмила Владимировна Маля приложила много усилий для торжественного открытия, формирования архивного фонда и экспозиции музея. С небольшим коллективом сотрудников ей удалось воссоздать интерьер квартиры первого главы правительства Абхазии, отыскать небольшой рояль, некоторую мебель, ряд раритетных вещей 20–30-х годов прошлого века. Все было оформлено лаконично и с большим вкусом. Всестороннюю помощь оказывали руководитель республики Б.В. Адлейба, а непосредственным куратором строительства был заместитель председателя правительства Абхазии В.М. Цугба. Немалую помощь оказывали друзья и соратники семьи Лакоба, родственники, оставшиеся в живых после тяжелых лет репрессий. Людмила Маля была очень обаятельным человеком, редкой женственности, отличалась большим тактом, умела расположить людей благодаря своему личному магнетизму. В музей Нестора, Сарии, Рауфа приходили как в

свой дом многие сухумцы, представители разных национальностей. Людмила Владимировна очень тепло и неформально принимала всех, обязательно предлагала кофе, фрукты и как-то очень ненавязчиво люди сами начинали рассказывать о прошлом, о пережитом. Приходили многие. Помню, пришел с друзьями ректор Абхазского университета, знаменитый историк, профессор З.В. Анчабадзе, он жил в 30-е гг. в соседнем доме, был на два года старше сына Нестора Рауфа, с которым они дружили. Прекрасный рассказчик и поистине отважный человек с большой болью рассказывал о трагедии семьи Лакоба, да и всей Абхазии того времени. Людмила Владимировна потом часто вспоминала его колоритные рассказы. Запомнились они и мне, особенно те, что были связаны с Рауфом, Сарией.

Приходил в музей и живший неподалеку Заканбей Михайлович Миканба (1915–2007), заслуженный инженер-строитель, которого Нестор в начале 30-х гг. отправил на учебу в Новочеркасский политехнический институт. Учился он вместе с младшим братом Сарии Мусто Джих-оглы, который в свое время вывез весь личный архив Нестора в Батуми. Перед музеем стал вопрос о возврате хотя бы некоторых документов в Сухум. С этой целью руководством Абхазии была сформирована группа для поездки к Мусто. В числе делегации был и Заканбей Михайлович, студенческий друг Мусто Джих-оглы. Часть делегации отправилась в Батуми на машине, а мы с Людмилой Владимировной решили полететь на самолете, – всего ведь минут 30...

Было это весной 1983 г. Тогда из Сухума летал чешский двухмоторный самолетик Л-410, обслуживающий местные воздушные линии. Напоминал он, особенно своим треском, стрекозу, – и не внушал оптимизма. Вот он стал набирать высоту, а потом как-то завис, и с каким-то цоканьем никак не мог перезапустить двигатель. Наша стрекоза стала срываться вниз, пилоты пытались запустить двигатель, ничего не получалось, подумалось, что это конец. В самый последний момент двигатель завелся, самолет снова набрал высоту и мы благополучно прибыли в Батуми. Людмила Владимировна сказала: «Слава, я подумала, что все, конец! Я-то Бог с ним, а вот с тобой, почему так несправедливо...» Вот в такой экстремальной ситуации она думала не о себе. Такое запоминается на всю жизнь. Людмила Владимировна в эти секунды размышляла о несчастливой судьбе семьи Нестора, что вот и архив его, и музей не будут открыты... Но, к счастью, все обошлось. Заканбей Михайлович Миканба ждал нас в доме у Мусто. После тяжелых переговоров на фоне щедрого гостеприимства, хо-

зьяин показал нам часть архива, которую потом и передал музею по просьбе руководства Абхазии. Мы убеждали передать весь архив, но он был категоричен. «Здесь, у меня, он лучше сохранится, я прожил жизнь, знаю, что это такое. Никто не может дать гарантии, что архив сохранится в Сухуме. Мы ведь не знаем, что нас ожидает».

Мы тогда остановились недалеко от Мусто в центре Батуми, где жила моя тетьа, сестра мамы. Несколько дней я переписывал отдельные документы, которые показывал хозяин. Заканбей Михайлович уговорил студенческого друга передать часть архива в Сухум, а потом уехал на машине с друзьями. Мы тоже собрались в путь, но Людмила Владимировна сказала, что не будем испытывать судьбу – самолет отпадает. «Не прощу себе, если что случится. Бог спас нас», – сказала она. И оказалась права. Буквально через неделю наш самолет выполнял рейс Поты – Сухум. 29 марта 1983 г., как только он вылетел, у него отказал двигатель. Погибли шесть человек.

Людмила Владимировна при встрече всегда вспоминала об этой авиакатастрофе, которую мы просто чудом избежали...

К сожалению, слова Мусто об архиве, его будущем, оказались пророческими. В августе 1992 г. началась война, часть музея была разграблена грузинскими гвардейцами, а документы были спасены сотрудницей музея Наной Камкия, при участии заместителя министра культуры Абхазии Шоты Абутидзе. Людмила Владимировна рассказывала, как им удалось перепрятать архив Нестора в Абхазском гостеатре. В последние дни войны, во время отступления из Сухума грузинских военных, музей пострадал от пожара. Долгие годы Людмила Владимировна добивалась восстановления музея Нестора, берегла бесценный архив. С ними была связана вся жизнь этой исключительно блестящей женщины. Символично, что она ушла от нас в день смерти Сарии Лакоба, 16 мая 2023 года, когда шло восстановление музея...

Память о Людмиле Владимировне Малия навсегда останется в сердцах тех, кто ее знал!

Станислав Лакоба

ПИСЬМО М. ДЖИХАШВИЛИ Б.В. АДЛЕЙБА

КАНДИДАТУ В ЧЛЕНЫ БЮРО ЦК КП ГРУЗИИ
ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ АБХАЗСКОГО ОБКОМА КП ГРУЗИИ
Товарищу Б.В. АДЛЕЙБА

Дорогой Борис Викторович!

Ваши современники из Абхазии и горсть родственников Сарие и Рауфа Лакоба из Аджарии, полны огромным уважением к Вам за то, что Вы, безупречный лидер Абхазии, в деле воскресенья светлой памяти Нестора Аполлоновича сыграли огромную роль.

Итак, даже короткая жизнь Нестора Лакоба подтвердила, что уважение современников есть признание потомков.

Искренне радуемся, что ныне, наконец, во главе Абхазии встал человек пользующийся всеобщим уважением.

5.06.83 [подпись]
гор. Батуми

/Мусто Джихашвили/

... СУХУМ-КАЛЕ

Конь, оружие и женщина – вот предметы, которыми совершенно исчерпывается духовный мир горца. Горец ходит оборванцем, весь покрыт лохмотьями, но оружие его заковано в серебро. Горец гордится своим оружием и ухаживает за ним, как за ребенком... После последнего возмущения [1866 г.], ружья в Абхазии были отобраны и горцам было оставлено только холодное оружие. Это произвело на них в высшей степени неприятное действие: говорят, что все плакали...

(См.: Менишуткин А. Путевые заметки. От Новороссийска до Сухум-Кале. // Сияние. СПб. 1872. Т. 2. № 39. С. 204.)

* * *

Абхазцы боялись всего русского, даже шапки и костюма, и учителя, принаравливаясь к вкусу и желаниям абхазцев, надевали туземный костюм и в классе занимались в полном вооружении, имея за поясом кинжал, револьвер и шашку. Однако за 10 лет картина совершенно переменилась...

(См.: газета «Черноморский вестник» (Батум). 1902. 1 декабря.)

* * *

Сообщение о том, что в селе Цебельда, в имении Краевичей, был найден медный гроб с двумя скелетами.

(См.: газета «Сухумский листок объявлений». 1911. 8 сентября. № 86; в этой же газете 13 октября 1913 г. вновь сообщается о медном гробе, двух скелетах и ясновидящей девочке).

* * *

ПАМЯТИ В.И. ЧЕРНЯВСКОГО

9 мая [1915 г.] после продолжительной и тяжелой болезни скончался пот[омственный] дворянин Владимир Иванович Чернявский на 70 г. от роду.

В.И. Чернявский был одним из первых старожилов г. Сухума. Еще до прошлой русско-турецкой войны [1877–1878 гг.] он служил чиновником особых поручений при Сухумском округе, а в 1875 г. он назначен был сухумским городничим и только перед самой войной 1877–1878 гг. вышел в отставку.

Покойный В.И. Чернявский много потрудился над улучшением в санитарном отношении нашего города. Благодаря его трудам гора, которая в настоящее время носит название «Чернявской горы», очищена от диких растений, папоротника и засажена декоративными и плодовыми деревьями, на что им потрачено из своих средств более 80 тыс. рублей.

П.

(См.: газета «Сухумский вестник». 1915. 13 мая. № 66)

БИБЛИОТЕКА В.И. ЧЕРНЯВСКОГО

Нам сообщают, что у покойного Владимира Ивановича Чернявского была в Сухуме прекрасная библиотека, обладающая очень ценными, редкими изданиями. Всех лиц, любящих книгу, интересует вопрос о том, какова будет судьба этой интересной библиотеки, и не лишится ли Сухум этой культурной ценности?

Кстати, нас просят отметить, что В.И. Чернявский никогда Сухумским городничим не был.

(См.: газета «Сухумский вестник». 1915. 14 мая. № 67)

* * *

О ПОДВИГЕ АБХАЗСКОЙ СОТНИ «ДИКОЙ ДИВИЗИИ»

В 1915 г. в газете «Сухумский вестник» было напечатано первое описание в абхазской прессе героизма абхазских всадников-добровольцев в Первой Мировой войне.

Автор этой публикации П.Ф. Скромный опубликовал свой очерк «Наши абхазцы-герои на войне» в двух номерах «Сухумского вестника» (1915. 17 июля. № 121; 1915. 18 июля. № 122).

<...> Вот что пишет обо всем этом из действующей армии одному из жителей м. Гудауты князю Бате Анчабадзе племянник его корнет Константин Шаханович Лакербай в письме своем, от 22 июня, любезно предоставленном в распоряжение пишущего эти строки:

«...Шлю родной Абхазии, во главе с тобой и кн. Алхасом, от себя и абхазцев воинов сердечный и радостный привет с театра войны, далеко от милой родной Абхазии.

...Скажу правду истинную: работая и воюя вместе с абхазами, я ни одной минуты не думаю о себе, а только о молодых всадниках-абхазах: как бы кто из них не был ранен, оставлен и т.д.

...Абхазцы войдут в свою родину смело, с открытыми глазами, глядя на своих отцов и дедов, ожидая от них благодарности, что не осрамили абхазцев, а, наоборот, оправдали надежды старых абхазцев и со славою вернулись в дорогую Абхазию...

...20-го мая абхазцы, силою в 45 человек, отбили атаку австрийцев до 300 человек, при чем мы занимали фронт не менее двух верст – отбили атаку 300 австрийцев, причем артиллерия неприятеля выпустила по нам снарядов 50!.. Мы же только ружейным огнем бились. Словом, за 20-ое мая мы отбили атаку сильнейшего врага два раза и не уступили наших позиций. Отличились в этом деле почти все, особенно же: Ардашин Акиртава, Миха Чирикбая, Калистрат Дзидзава, Михаил Ермолов, Василий Лакоба и многие другие. Командир полка был очень доволен абхазами и сердечно благодарил нас всех. За это дело человек 20 представлены к Георгиевским крестам и медалям...

ПРИГОВОР 1885 ГОДА. ЯНВАРЬ 12 ДНЯ

Мы нижеподписавшиеся жители селения Лыхны Гудаутского участка сего числа будучи в общине [на] своем сходе и обсуждали вопрос относительно о принятии на жительство среди себя бывшего жителя Драндской общины ниже возвратившимся из ссылки Бера-ли Габреи-ипа при чем постановили принять названного жителя в нашей общине и что на принятие его со стороны нашего общества препятствия не имеется в чем и подписываемся, а по неграмотности своей ставим собственноручно Кресты.

1. Доут Гублия	25. Саат Лакоба
2. Квадж Гублия	26. Хакуц Мукба
3. Сарлып Габлия	27. Чугуна Тарба
4. Квадж Габлия	28. Анастас Микеладзе
5. Сасран Пилия	29. Василий Микеладзе
6. Хигу Киртбаия	30. Кац Микеладзе
7. Тагу Шакрыл	31. Тапас Папин-ипа
8. Яжга Шакрыл	32. Зефас Папин-ипа
9. Доут Шакрыл	33. Чича Гогулия
10. Гид Гезердава	34. Фыфа Гагулия
11. Чахмат Шакрыл	35. Джигонат Гагулия
12. Еслам Ванача	36. Ханавш Махария
13. Иван Ванача	37. Еслам Махария
14. Еслам Озган	38. Николай Махария
15. Чичу Лакоба	39. Гид Габреи-ипа
16. Лаз Шакрыл	40. Масруква Чкадуа
17. Мачагва Лакоба	41. Мискин Чкадуа
18. Тагуч Лакоба	42. Хакуц Вортагаа
19. Шахан Лакоба	43. Сейдук Вортагаа
20. Тито Камлия	44. Чича Вортагаа
21. Мачагва Камлия	45. Сейдук Вартагаа
22. Лаз Камлия	46. Мамсыр Гиц
23. Шмаф Камлия	47. Коблух Гиц
24. Абидж Камлия	48. Маху Гиц

49. Фиткерей Арджения
50. Зефас Арджения
51. Кетис Алания
52. Хакуц Лакоия
53. Иван Лакоия
54. Доут Лакоия
55. Сипун Лакоия
56. Цугуна Джанба
57. Согум Джанба
58. Сабида Возба
59. Сумана Возба
60. Петр Возба
61. Геджила Возба
62. Муса Возба
63. Шанва Саманджия
64. Гуджира Саманджия
65. Муса Саманджия
66. Еслам Герия
67. Тут Герия
68. Мац Герия
69. Кваташ Герия
70. Алексей Килосония
71. Ажгерей Дзария
72. Кумач Дзария
73. Дженика Дзария
74. Петри Григолия
75. Сума Смыр
76. Решид Смыр
77. Шмаф Лакоба
78. Абрег Гамсония
79. Мамсыр Жиба
80. Ханавш Чуан
81. Сабида Хашба
82. Петре Бандаладзе
83. Георгий Бандаладзе
84. Муса Гагулия
85. Ханашв Гарцкия
86. Петре Гарцкия
87. Хакуц Гарцкия
88. Гид Дзария
89. Тедорей Дзария
90. Абзагу Джергения
91. Сулейман Джергения
92. Доут Хикба
93. Джесип Хикба
94. Синун Герия
95. Маху Аркудж
96. Согум Цейба
97. Гид Арждения
98. Николоз Самгулия
99. Гид Самгулия
100. Мамсыр Самгулия
101. Чичиа Мишелия
102. Кумач Квакваскерия
103. Иван Дзария
104. Гид Гагулия
105. Чахмат Капанадзе
106. Коста Дышан
107. Муса Чанба
108. Мамсыр Чанба
109. Саломон Габуня
110. Константин Арнаут
111. Николай Арнаут
112. Николай Симония
113. Хакуц Герия
114. Кягва Арджения
115. Кягва Хопория
116. Яжгя Тарнаа
117. Ажгерий Тарнаа
118. Мачагва Хичич-ипа
119. Тедори Габрей-ипа
120. Сейлук Килги
121. Зефас Килги
122. Еслам Килги
123. Тамшут Лакоба
124. Сейлук Пкия

125. Кемиш Мелия	138. Сейлум Отырба
126. Бакура Бигваа	139. Тедоре Сакания
127. Кеч Бигваа	140. Хагер Лакуна-ипа
128. Чахмат Гумба	141. Муса Лакойя
129. Сагум Гумба,	142. Петре Махария
130. Гедлач Мачич-ипа	143. Фатиа Алания
131. Кягва Мачич-ипа	144. Хаджим Алания
132. Кич Кяр-ипа [Джугелия]	145. Пажна Лакоба
133. Дансит Цушба	146. Кобзач Гругулия
134. Кягва Цушба	147. Петри Гругулия
135. Джесит Агирба	148. Мамадыжан Такмадашвили
136. Кушван Отырба	149. Сейдук Арджения
137. Абидж Отырба	150. Еслам Бандаладзе.

Что действительно вышеназванные лица по неграмотности своей собственноручно поставили кресты и что приговор этот составлен по согласию всего нашего общества 26 июля удостоверяется Старшиной и Судьями Лыхненской общины. Судьи по неграмотности поставили кресты, а Старшина приложил общинную печать.

Судьи
Иван Гублия
Мамсыр Озган
Согум Джергения

Старшина Тагу Лакоба

[Просматривая этот интересный документ 1885 г., понимаешь, что характер фамильных расселений в селе Лыхны не изменился, потомки многих из них живут по-прежнему в тех же местах. Родственники без труда узнают своих близких, знакомых. В этом списке под № 15 значится Чичу Лакоба – будущий отец Нестора (родился в 1893 г.), под № 71 Ажгерей Дзария, дед нашего выдающегося историка Георгия Алексеевича Дзидзария (Дзария). Нашел и своего предка по имени Пажна Лакоба (№ 145) – это мой прадед, сын Сасрыквы и отец Арутана Лакоба... Не сомневаюсь, в списке заключено еще много неожиданного, проливающего свет на судьбы многих фамилий: Озган, Мачич-ипа (Кобахия), Гублия, Гагулия, Шакрыл, Пилия и др. – *Прим. С.З. Лакоба*]

Василий Васильевич Верецагин-младший (1892–1981) – сын знаменитого русского художника В.В. Верецагина, автор мемуаров об отце – «Воспоминания сына художника» (Ленинград, 1982).

Ниже приводится глава из этой книги, посвященная абхазским «приключениям» художника В.В. Верецагина.

В.В. ВЕРЕЦАГИН

ВОСПОМИНАНИЯ СЫНА ХУДОЖНИКА

Имение на Кавказе

Московский профессор А.А. Остроумов, у которого отец лечился, предписал ему отдыхать по возможности на юге и купаться в море. Так как у него самого имелась хорошая дача возле Сухуми, то и отцу он посоветовал избрать для отдыха именно это место на Черноморском побережье.

В то время под Сухуми встречались болотистые места и были нередки случаи заболевания лихорадкой. Ввиду того, что в Индии отец получил тропическую лихорадку, приступы которой повторялись у него после каждого, хотя бы и кратковременного пребывания в болотистой местности, он стал искать себе участок с более здоровым местоположением между Сухуми и Новоафонским монастырем. После долгих поисков ему удалось найти в начале одиннадцатой версты от Сухуми подходящий участок, принадлежавший какому-то армянскому священнику.

Участок этот, ширина которого по берегу моря равнялась тремстам метрам, тянулся полосой к побережному шоссе, за которым, сильно расширяясь, шел далее по склону высокого холма вплоть до его вершины, находившейся во владении абхазского князя Александра Шервашидзе.

Участок священника имел тот недостаток, что он почти целиком лежал на склоне, и потому трудно было найти место для постройки жилого дома и хозяйственных зданий. К тому же он сдавался в аренду под табачную плантацию, и почти все деревья на склоне были вырублены.

Вершина же холма представляла достаточно ровную поверхность, размером немного более трех десятин, поросшую дубами, буками и грабами, среди которых стоял небольшой домик местной архитектуры, обнесенный широкой крытой террасой.

Шервашидзе согласился продать эти три десятины вместе с домом, и отец купил оба участка. При покупке нижнего участка со священником была заключена нормальная «купчая крепость». Что же касается Шервашидзе, то он при упоминании о необходимости юридического оформления продажи удивленно возразил: «Зачем купчая крепость?! Слово князя Шервашидзе крепче купчей крепости!»

Отец был не более практичен, чем старый князь. Он без раздумья согласился, и сделка была скреплена лишь дружеским рукопожатием. В результате владельцем проданных трех десятин и дома юридически продолжал оставаться Шервашидзе.

Забегая вперед, я должен сказать, что этот факт выяснился полностью гораздо позже, когда после смерти наших родителей мои сестры и я должны были вступить во владение имуществом.

Сын старого князя Шервашидзе, к тому времени уже скончавшегося, полностью согласился с юридическим оформлением старой продажи, для чего надо было ехать в окружной суд в Кутаиси. Осуществить это помешала начавшаяся мировая война.

Купленное имение пришлось отцу настолько по сердцу, что он первоначально в порыве увлечения высказывал даже предположение о переселении туда со всей семьей на постоянное жительство. Но очень скоро стало ясно, что мысль эта неосуществима по многим причинам.

Имевшийся трехкомнатный домик с кухней мог служить только для кратковременного пребывания в жаркие летние месяцы. Надо было строить дом с мастерской и различные хозяйственные здания, какие имелись, например, в нашей усадьбе под Москвой, купить лошадь, корову, экипаж и т. д. Предварительно необходимо было провести дорогу, ибо в момент покупки имения наверх вела широкая тропа, пригодная для пешехода, всадника и в крайнем случае для арбы на двух колесах, но не для подвоза строительных материалов и проезда экипажа. Словом, для того, чтобы в имении можно было жить более или менее продолжительное время, надо было вложить в него сумму денег большую, чем обошлась его покупка. А так как отец лишь изредка бывал, как говорилось, «при

деньгах», то осуществление программы устройства имения могло проводиться только постепенно, в течение многих лет.

Главное же препятствие к переселению заключалось в отдаленности сухумского имения от культурных центров страны и в необычной сложности пути. Чтобы добраться из Москвы до имения, надо было ехать по железной дороге до Новороссийска, там пересесть на пароход, который останавливался в Сухуми, где не было порта, только в случае, когда море было относительно спокойно. Пассажиры и грузы переправлялись на берег лодками. И, наконец, из Сухуми до нашего имения надо было десять верст ехать па лошадях.

На дорогу требовалось около трех дней, а поездка туда и обратно занимала целую неделю времени. В случае переселения это обстоятельство составило бы большие затруднения для отца, который постоянно отлучался из дому в связи с устройством выставок картин в России и за границей, а также часто ездил в путешествия. Даже ведение корреспонденции было бы затруднительно, так как ближайшее почтовое отделение находилось в Сухуми. Там же надо было делать хозяйственные и иные покупки и там только можно было получить врачебную помощь.

Все эти обстоятельства стали особенно ясны после поездки нашей семьи в сухумское имение на два летних месяца. Поездка эта была единственной за все время от покупки имения (приблизительно в 1897 году) до гибели отца. Мне было тогда около семи лет, и я помню ее во всех подробностях.

Трехкомнатный домик был куплен с мебелью, хотя и скудной, но достаточной для кратковременного пребывания. Подушки, одеяла, постельное и столовое белье, одежду, кухонную и столовую посуду и прочее надо было везти с собой. Семья наша ехала в полном составе. С нами ехала домашняя работница и дворник Алексей Мухин. Крупный багаж – сундуки, ящики, чемоданы – был накануне уложен на телегу, которая на следующий день выехала в шесть часов утра, чтобы не торопясь, шагком добраться к полудню до вокзала и там ожидать нас. Мы же выехали на двух извозчиках гораздо позднее и в двенадцать часов были уже на вокзале. Нашей телеги там еще не было. Родители начинали уже беспокоиться, и отец каждые десять минут выходил на вокзальный подъезд, но о телеге не было ни слуху, ни духу. Раздался первый звонок. Отец пошел к начальнику станции, который его сразу же узнал и принял большое участие в нашем бедственном положении, пообещав задержать в случае надобности поезд. Второй звонок был задержан на целый час. Пассажиры поезда недоумевали, и

мы слышали, как в соседнем купе кто-то уверял, что где-то по пути провалился железнодорожный мост через реку и поезд не двинется, пока мост не починят. Все ахали. Отец нетерпеливо высматривал телегу, но она не показывалась. Начальник станции сказал, что через десять минут он должен отправлять поезд, так как задержка скорого поезда более чем на полтора часа грозила ему большими неприятностями.

Прежде чем расстроенный отец принял решение, он увидел вдалеке нашу телегу, медленно въезжавшую на вокзальную площадь. Отец побежал навстречу, крича, чтобы они торопились. Работник от удивления остановил лошадь, и только поняв, в чем дело, задержал вожжами и замахал кнутом. Телега затарахтела по бульжной мостовой и подкатила к вокзалу. Отец накинулся на опоздавших: «Разбойники! Да что же вы с нами делаете! Ведь поезд сию минуту отходит! Где же вы пропадали?!»

Сконфуженный Алексей отвечал: «Да мы, Василь Василич, нигде не пропадали! Как есть всю дорогу торопились. Вот только всего на минуту заехали в трактир перекусить малости!» – «Да вы там пьянствовали!» – продолжал отец. – «Никак нет, Василь Василич! Мы ни в одном глазу!»

Однако их раскрасневшиеся лица и блестящие глаза говорили о том, что «закусывание» в трактире было продолжительным и сопровождалось солидным возлиянием.

Но разговаривать было некогда. По знаку начальника станции человек десять носильщиков подскочили к телеге, разом схватили весь багаж и бегом потащили его к поезду. Через несколько минут был дан третий звонок, и едва отец успел поблагодарить начальника станции и вскочить в вагон, как поезд тронулся.

Нагоняя потерянное время, наш поезд летел, как экспресс, сокращая при этом время остановок до минимума. Я стоял с отцом в коридоре, когда на одной из больших станций в наш вагон вошел отставной генерал, очень бодрый, плотный, среднего роста. Как сейчас помню необыкновенно свежий, розовый цвет его лица с большим румянцем, который контрастировал с его совершенно белыми волосами.

Отец и генерал одновременно увидели друг друга. Раздались радостные восклицания: «Василий Васильевич!» – «Николай Николаевич!» С этими словами они бросились друг к другу, обнялись и крепко поцеловались. Отец схватил меня за руку и радостно сказал: «Помнишь мою картину в Третьяковской галерее, где у крепостной

стены во главе солдат стоит офицер с саблей в руке, говоря: «Тссс! пусть войдут!», так вот ты теперь видишь этого офицера!»

Вошедший генерал, Николай Николаевич Назаров, в 1868 году в чине полковника был начальником одного из участков обороны самаркандской крепости. Малочисленный гарнизон в количестве около пятисот человек в течение восьми дней отбивал почти непрерывные штурмы двадцати тысяч осаждающих. Отец и полковник Назаров были все эти дни неразлучны, и оба выказывали необыкновенное хладнокровие и отвагу в самые опасные минуты боя. Когда осада крепости была снята, солдаты говорили: «Не будь Василия Васильевича, не удержали бы мы крепость». За свои «блистательные мужество и храбрость» отец был награжден офицерским Георгиевским крестом. Какую награду получил полковник Назаров, я от отца не слышал, и в его воспоминаниях «На войне в Азии и Европе» об этом ничего не говорится. Теперь я видел этого храброго офицера воочию.

Познакомив Назарова с женой, отец уселся с ним в купе, и они несколько часов беседовали с таким увлеченным, что генерал чуть было не пропустил станции, на которой должен был выйти.

Остальная часть пути прошла без каких-либо особых событий. Высадившись с парохода в Сухуми, мы остановились на два дня в гостинице, чтобы нанять повозку для нашего обширного багажа и для закупки необходимых хозяйственных припасов. Отец, кроме того, нанял для себя верховую лошадь для поездок в город.

На третий день рано утром мы двинулись в путь. Алексей выехал с багажом заранее. Мать, мы и домашняя работница ехали дилижансом, а отец – верхом. Дилижансом называлась запряженная парой лошадей линейка – экипаж с длинным, продольным сиденьем, разделенным по всей длине так, что на каждой стороне сидело по пяти человек спиной друг к другу. Эти допотопные сооружения ездили между Сухуми и Новым Афоном два раза в день со скоростью пять верст в час.

В дни нашего приезда стояла совершенно необычная для марта жара. Уже с утра солнце жгло немилосердно. По дороге мы встречали много всадников из горных аулов, едущих в город. Во избежание солнечного удара каждый из них был плотно закутан в мохнатую бурку, а на голове имел надвинутую на глаза папаху.

Возле шоссе, проходившего через нижнюю часть нашего имения, стоял небольшой трактирчик, по местному – духан, у которого останавливались все дилижансы. Там продавались хлеб, кислое

красное вино домашнего производства, а иногда и баранина. Владелец духана, маленький, толстенький, но очень подвижной и услужливый осетин Соломон, нашел несколько носильщиков и арбу, запряженную буйволами, для доставки вещей к нашему дому. Победав в духане шашлыком, мы потащились в самую убийственную жару наверх пешком и к часу дня были дома. Только добравшись до вершины, мы почувствовали облегчение, так как густая тень покрывавшей ее рощи значительно умеряла удушливую полуденную жару.

С террасы дома открывалась удивительная панорама. Перед нами простиралось буквально безбрежное море, поверхность которого по всему горизонту от юго-восточного до северо-западного направлений сливалась с небосклоном. Только в южном направлении, по утверждению Шервашидзе, в ясную погоду можно было разглядеть в бинокль несколько вершин прибрежных гор в Турции, расстояние до которых составляло около двухсот километров. Полоса берега, тянувшаяся от нас к Новому Афону и далее на северо-запад, просматривалась километров на шестьдесят вплоть до мыса у Гудауты. Вид же на север и на восток закрывался горами, а в направлении на юго-восток, к Сухуми, он заслонялся нашей дубовой рощей.

Высокое местоположение домика являлось гарантией от возможности заболевания малярией, но в то же время оно было причиной ряда неудобств. Например, купаться в море в жаркие летние месяцы было почти невозможно, так как возвращение домой под палящими лучами солнца и с подъемом на гору было прямо-таки мучительно. За все время нашего пребывания в имении отец, которому ежедневное купание было предписано профессором Остроумовым, выкупался не более четырех-пяти раз.

Отец энергично занялся устройством усадьбы. В первые же две недели была построена временная мастерская, представлявшая собой небольшой деревянный сарайчик, размером три на пять метров, одна из продольных стен которого была на половину высоты стеклянная. Но писал отец на этот раз против обыкновения очень мало, посвящая почти все свободное время присмотру за посадкой фруктовых деревьев и декоративных растений. Достаточно сказать, что в нашем имении было посажено более шестисот персиковых и абрикосовых деревьев, всевозможные сорта винограда, слив, мандаринов, груш. Из декоративных растений было посажено множество пальм, кипарисов, лавровых, чайных и розовых кустов.

За время нашего пребывания в имении отец много раз ездил верхом в Сухуми к владельцу садоводства Ноеву, а потом заходил на почту за письмами и газетами. В одну из таких поездок он задержался в садоводстве и, подъехав к зданию почты, увидел, что ворота закрыты на время двухчасового обеденного перерыва. Не желая терять время, он заехал в боковую улицу, привязал коня к ограде и вошел через калитку во двор.

Внезапно с громким лаем на него бросилась целая свора больших псов. Нападение было столь яростным и решительным, что отцу явно грозила опасность быть серьезно покусанным. Он выхватил из кармана револьвер и два раза выстрелил. Собачья свора отскочила, продолжая неистово лаять издали. На почте поднялась невероятная суматоха. На заднее крыльцо выскочил начальник почтового отделения с револьвером в руке, а за ним – два солдата с винтовками. Увидев отца, он закричал: «Кто стрелял?!»

Отец объяснил, в чем дело. Начальник почты опустил револьвер и с облегчением произнес: «Ну и напугали же вы нас, Василий Васильевич! Ведь мы, услышав выстрелы, подумали, что это покушение на ограбление нашей почты. Счастье ваше, что я выскочил первый, а не то караульные солдаты могли, не зная вас, начать стрелять без предупреждения».

Надо сказать, что на Кавказе вооруженные ограбления в те времена не были редкостью. Им подвергались не только почтовые отделения, но и богатые частные лица. Значительная часть местного населения, придерживаясь старинных взглядов, не смотрела на вооруженное ограбление как на преступление, а скорее как на молодечество. Поэтому отец, покупая от князя Шервашидзе участок земли с домом, осведомился, не будет ли опасно привезти сюда на лето всю семью. На это старый князь ответил: «Мои друзья могут без опасения жить в любом месте Абхазии!»

Зная, каким уважением и влиянием пользуется у населения Шервашидзе, отец не боялся уезжать от семьи на целый день. Все двери у нас оставались днем и ночью незапертыми.

Часто слыша фамилию Шервашидзе, я невольно заинтересовался его особой. Однажды отец поехал в Сухуми не верхом, как обычно, а дилижансом и взял меня с собой. По приезде в город мы направились прежде всего на почту, а потом по поручениям матери – на базар, где по утрам толклась всегда масса народа. Пробираясь в толпе, мы проходили мимо кофейни, двери которой

были широко открыты. Несмотря на сравнительно раннее время, там было уже много посетителей, сидевших за чашечкой турецкого кофе. Прямо против дверей расположилась живописная группа пожилых абхазцев. Отец наклонился ко мне и тихо сказал: «Ты хотел видеть Шервашидзе. Вот он».

Это был довольно полный старик с белыми усами, горбоносый, с суровым и гордым выражением лица. Князь играл в шашки. Он сидел, несколько откинувшись на спинку стула, и, насупив густые брови, сосредоточенно глядел на доску. Одет он был в светлую, кремового цвета черкеску с серебряными газырями, подпоясанную тонким, украшенным серебром кавказским пояском, за который он заложил большой палец правой руки. Левая лежала на столе, придерживая неизменную чашечку кофе. На его груди висел солдатский Георгиевский крест, полученный им во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Несмотря на сильную жару, на бритой голове князя была светлая, мохнатая папаха, сдвинутая немного назад. Его партнер, уже немолодой худощавый горец в черной черкеске и черной же папахе, сидел в почтительной позе, а возле стояло несколько молчаливых зрителей, которые лишь изредка вполголоса обменивались отдельными словами.

За стулом князя стоял молодой, высокий и широкоплечий телохранитель. На нем была такая же, как у князя, черкеска и папаха. Его тонкую талию стягивал ремешок с большим, богато украшенным серебром кинжалом, на рукоять которого он положил кисти обеих рук. Телохранитель стоял совершенно неподвижно, будто изваяние.

Отец знал, что Шервашидзе, увидев нас, прервет игру, и не желая его беспокоить, взял меня за руку и быстро пошел дальше.

Сделав покупки и пообедав в ресторане, мы по пути к дилижансу опять проходили мимо кофейни. Картина была в точности та же, что и два часа тому назад. Князь, его партнер, телохранитель и зрители находились в тех же позах, как будто прошло не два часа, а всего лишь несколько минут с того момента, как мы их увидели в первый раз.

Наша жизнь в имении была, как я уже упоминал, сопряжена со многими неудобствами и неприятностями.

Почти все продукты питания приходилось возить из Сухуми, что было крайне тяжело из-за расстояния и отвратительного сообщения. К тому же из-за отсутствия погреба невозможно было сохранять скоропортящиеся продукты.

Угнетающе действовала полная отрезанность от культурного мира и отсутствие каких-либо развлечений. За все время нашего пребывания в имении мы ездили всей семьей всего лишь один раз в Новоафонский монастырь.

Домашнее хозяйство было несложно, и свободное время мать хотела бы использовать для прогулок с детьми. Но район прогулок ограничивался лишь пределами рощи, в тени которой можно было укрыться от палящих лучей солнца. Кроме того, в высокой траве и в кустарниках водилось немало змей. Были ли они ядовиты, мы не знали, но на всякий случай следовало быть осторожными.

Еще хуже было в дождливую погоду, которая началась через месяц после нашего приезда и продолжалась пять дней. Горы затянулись тучами, которые, казалось, висели низко над головами. Дождь шел непрерывно. Тропа от нашего дома к шоссе совершенно размокла и стала труднопроходимой. Удушающая, сухая жара сменилась холодом и сыростью.

В такие дни отец занимался литературной работой, а мать читала привезенные из Москвы книги. Мне она читала иногда вслух привезенную специально на такой случай книжку Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

В общем же все скучали. А так как работы по посадке фруктовых деревьев были окончены, то едва установилась хорошая погода, мы стали собираться домой и выехали в Москву на две недели раньше предполагаемого срока.

Верещагин В.В. Воспоминания сына художника. – Ленинград, 1982. – С. 85–95.

Публикацию подготовил А.Я. Дбар

Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) в дореволюционные годы неоднократно бывал в Абхазии, что отражено в его дневниках, изданных в 3 томах в Париже в 2002 г. Несколько «абхазских» фрагментов из первого тома дневников Прокофьева приводятся ниже.

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

ДНЕВНИК Фрагменты

26 июля 1908

Восемнадцатого мая мама, тётя Таня и я выехали из Петербурга и направились в Сухум к Смецким. Ольга Юрьевна Смецкая¹ – мамина подруга со школьной скамьи. Впоследствии она вышла за миллионера Смецкого², но самые лучшие отношения с мамой сохранились до сих пор. Зимой они были в Петербурге и очень нас звали. Теперь эта поездка состоялась. До Новороссийска мы ехали по железной дороге, а от Новороссийска до Сухума на пароходе, куда и прибыли поздно вечером при благоухании каприфолий и масса летающих светляков.

Подробного описания пребывания в Сухуме делать не буду – право же, дневник уж и так на два месяца запаздывает, какой же это дневник! Скажу коротко. Принимали нас любезно и радушно до чрезвычайности. Природа удивительная. Но я как-то довольно равнодушно относился ко всем её красотам и не восхищался, как другие, хотя мне в общем и очень нравилось. Прожили мы три не-

---

¹ Смецкая (урожденная Филимонова) Ольга Юрьевна (1857–1940) – супруга Н.Н. Смецкого и гимназическая подруга Марии Григорьевны Прокофьевой, матери С. Прокофьева.

² Николай Николаевич Смецкой (1852–1931) – российский меценат и предприниматель; основатель Сухумского дендропарка и санаториев для больных туберкулёзом в Абхазии.

дели и три дня. Под конец я немножко даже начал соскучиваться. Действительно: музыкантов нет, партнёров в шахматы нет, молодёжи нет (у соседки и дальней родственницы О.П. Дмитриевой¹ трое детей, старшей дочери Оле четырнадцать лет – совершенно серый, хотя и прекрасно воспитанный, тип). Среди музыкантов – Мпе Метелева², бывшая знаменитая скрипачка Прокопович³, действительно прекрасно играет и хороший музыкант, но она всё либо уезжала, либо лежала в ревматизме. Наконец, шахматистов – тех вовсе никого. Выехали мы с тётей Таней восемнадцатого июня, мама осталась ещё на недельку) и ехали вместе до Ростова, а затем я один. Это моё первое самостоятельное путешествие, но я уже так привык ездить по железной дороге, что оно ровно ничего особенного не представляет. Из Сухума мы совершали довольно часто поездки, осматривая достопримечательности. Самая большая – в Новый Афон (двадцать четыре версты); самая интересная – к Венецианскому мосту⁴. В Новый Афон мы поехали в двух экипажах, осмотрели монастырь, причём я выдавал себя за английского корреспондента, все сведения заносил в записную книжечку и, к ужасу проводника-монаха, во всех особенно замечательных местах громко, с чувством, декламировал немецкие стихи. У пещеры вырезал себе палку, назвав её Святой Палкой, но она оказалась столь безобразной, что я с ней ходил только купаться. Что касается Венецианского моста, то, по преданию, на нём венецианцы отразили Тамерлана. Это единственно интересный мост, но огромное впечатление производит ущелье за Венецианским мостом. Я прямо пришёл в восторг, притих и замечтался. Одним, с кем-нибудь рука об руку по этому ущелью... и этот чудный уголок, к удивлению, довольно мало известен в Сухуме. Кстати, вспомнил, что когда мы ехали в Сухум и только что сели на пароход в Новороссийске, вдруг встречаю... кого?... Пиастро⁵. Оказывается, душечка едет с папенькой и сестрой из Севастополя в Тифлис. Море было как стекло гладкое, мне очень нравилось и я всё хотел декламировать:

---

¹ Дмитриева Ольга Петровна – дальняя родственница Прокофьевых.

² Мпе Метелева – знакомая Смецких.

³ Прокопович (Мятелёва) – скрипачка, тоже знакомая Смецких.

⁴ Беслетский мост.

⁵ Пиастро Михаил Борисович (1891–1970) – скрипач.

Бездонное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей!

– которое мы с отвращением учили Бадаеву. Теперь с Пиастро с удовольствием вспоминали его.

Его сестра – очень красивого типа грузинка, но ужасно толстая и неповоротливая, да и все они имеют страшно необтёсанный вид. Как только пассажиры узнали, что оба мы музыканты, сейчас же, конечно, пристали – играйте, играйте. Я согласился, а Пиастро, и особенно папенька, стали ломаться, да так упорно, да так отвратительно, что меня взорвало. «У нас ноты, – говорят, – лежат внизу, а сверху – заново сшитые концертные костюмы – далеко лезть, мять не хочется...». Наконец публике надоело просить, она замолчала. Через четверть часа является Пиастро-папенька и, торжественно неся кипу нот, громогласно объявляет:

– До-стал!!..

– А я теперь не хочу аккомпанировать! – огорошил я его.

Эффект был прекрасный. Так и не играли. Я играл один. Положим, сын на меня ничуть и не обиделся. Мы играли в шахматы с результатом 4-0-0. Он говорит, что будто играл с Лядовым две партии: одну проиграл, одна ничья.

19 сентября 1910

Пишу эти строки в Сухуме.

Из Петербурга мы приехали в Сонцовку¹. Надо было ликвидировать папины дела, разобрать и что-то сделать с домашним скарбом. Как-никак, а родители мои прожили в Сонцовке без году «тридцать лет и три года».

Приходилось расставаться с Сонцовкой. Мне она доводится родиной моей, но я нисколько не жалел, собираясь покидать её. Заброшенный, пустынный уголок - что в нём хорошего? Когда шесть лет тому назад я всего на ползими уезжал из Сонцовки, я едва не плакал, настолько моя детская жизнь была связана с этим уголком. Петербург казался интересным, но чужим. Теперь же все интересы связаны с городом: Сонцовка же хоть и кажется старым родственником, но, как

---

¹ Сонцовка – село в Покровском районе Донецкой области; родина С. Прокофьева.

и бывает со многими старыми родственниками, никакие жизненные интересы не соединяют меня более с ней.

Разборка и укладка мало меня заинтересовала и мало трогала. Я занимался музыкой, ходил по полям и с полным равнодушием относился к пребыванию в Сонцовке.

Ездил на несколько дней в Никополь¹ к Моролёву². Василий Митрофанович Моролёв, один из наиболее страстных музыкантов, которых я когда-либо видел, познакомился с нами лет пять тому назад, когда был назначен ветеринарным врачом в наш Бахмутский уезд. Узнав во мне музыканта и пианиста, он так уцепился за меня, что во время своих приездов в Сонцовку буквально не отпускал меня от фортепиано. (Помнится, первое время гвоздём была ас-дурная Соната Бетховена и «Роème satanique» Скрябина). Со своей стороны, я узнал в нём шахматиста и уцепился за него как за шахматиста. Я объявил ему матч, но был побит (+5-8 =1). Затем последовал целый ряд матчей, штук пять-шесть, причём уж я стал бить его, а под конец и давать вперёд коня.

Когда он приезжает к нам, мы торговались как цыгане: я ему должен был сыграть такие-то вещи, а он со мной столько-то партий. И затем целые дни «играли». Вообще же он – прелесть человек и несмотря на разницу лет, мы сдружились очень и даже перешли на «ты».

Три года назад его перевели в Никополь, но я каждое лето ездил к нему в гости. В дневнике я ни разу не упомянул об этих моих летних поездках, вероятно, потому, что эти три-четыре дня, которые врывались в мою жизнь и исчезали, имели слишком мало связи со всем остальным: целые дни играли на рояле и в шахматы, я терял несколько фунтов в весе, и затем, возвратясь домой, входил в обыкновенную колею.

В это лето я тоже поехал к нему на четыре денька. Играл ему мою Сонату Ор.1. Она переделана из бывшей «Сонаты № 2», посвящённой Моролёву. Таким образом, и эту я с большим удовольствием посвятил ему.

Седьмого сентября я выехал в Сухум к Смецким; мама с тётёй Таней приехали через два дня. Собственно говоря, здесь, конечно, чудесно, комфортабельно и... скучно.

---

¹ Никополь – город в Днепропетровской области (Украина).

² Моролёв Василий Митрофанович (1880–1949) – друг С. Прокофьева, ветеринарный врач.

Т.е. острой скуки не ощущается, ибо я прилежно перед осенью занимаюсь роелем, да много времени уходит на прогулки. Наконец и срок моего пребывания всего десять дней.

29 сентября 1910

Ещё отправляясь из Сонцовки на Кавказ, я высчитал до минут время моего приезда в Питер и написал о том Рудавской¹, прося её встретить меня. От неё я последние три недели так и не получил письма и не знал, встретит или нет? Это было бы важным показателем наших отношений. Скорее – нет. Хотя, пожалуй, вернее, что и да. Однако, подъезжая к Петербургу, я всё-таки склонился к «нет». А в Сухуме однажды нашёл ромашку и принялся отрывать лепестки: вышло тоже нет.

На Николаевской платформе меня встретила Antoinett'очка и первым долгом всучила розовый букетик. Мы дружно проболтали около часу, затем она поехала к себе, а я на Сергиевскую к Раевским², где, вероятно, проживу до маминого возвращения из Сухума, недели три.

19 июня 1911, Сухум-Калэ

Я не писал дневник четыре месяца. «Человек отбился от рук», – говорят. А я – я отбился от дневника. Случилось это потому, что у меня были кой-какие *ennuis*, неизбежные в жизни, вследствие которых я несколько потерял моё обычное духовное равновесие. Оно заколебалось, а с ним заколебалось и настроение, а когда настроения меняются, не хочется писать дневник, всё равно правды не напишешь; в данном случае тем более я не был бы искренним.

У меня есть свойство характера относиться к жизни легко, она меня не задевает глубоко, а скользит слегка по поверхности. Это – счастливое свойство, и как оно было кстати во время моих *ennuis*! Кроме того, огромный запас жизнерадостного характера не мог истощиться, он всеми силами восстанавливал духовное равновесие, и мрачные минуты чередовались с самыми обычными жизнерадостными. Жизнь текла своим чередом, «мрачные» минуты становились сначала светлее, потом реже, потом – исчезли.

---

¹ Рудавская Антонина Александровна – ученица Консерватории, знающая С. Прокофьева.

² Раевские – семья А.Д. и Е.Г. Раевских, родственников С. Прокофьева.

В моём дневнике я занимаюсь больше фактами, чем настроениями: я люблю самую жизнь, а не «витания где-то», я не мечтатель, я не копаюсь в моих настроениях. Я кончаю мой туманный очерк. Прошло – до свидания. Я сказал, что жизнь шла своим чередом – и мне хотелось бы записать теперь то, что происходило «своим чередом» за эти четыре месяца. Уже давно хочу я засесть за дневник, но времени было мало, и я отложил работу на моё сухумское уединение.

Хессин предложил все свои услуги исполнять в Ростове – и уехал, видимо, заинтересованный. На лето мы предполагали съездить в Сухум: Ростов был по дороге, а потому это предложение мне было очень на руку.

26 июня 1911

Итак, я принялся за «Маддалену»¹. Впрочем, настоящую работу я откладывал до лета, а пока сочинял между делом, главным образом, материал. В июне мы уехали из Петербурга в Сухум. У меня уже были сочинены все те части первой сцены, где Маддалена одна, и порядочно материалу для второй сцены. В Сухуме я очень много работал над оперой и в три недели написал вторую и третью сцены.

Двадцать шестого июня я получил от Держановского² открытку с сообщением, что «Сны» идут в Сокольниках первого июля, а «Осеннее» в период от десятого до двадцатого июля. Как раз посередине между обеими пьесами, Канкарович³ должен был сыграть «Сны» в Павловске, и я, очень довольный, выехал из Сухума с первым же пароходом. Но пароход, благодаря грузке персиков, опоздал на шесть часов. Поезда из Новороссийска все ушли, и я должен прожить в Новороссийске двадцать один час. Занял номер в гостинице. Сижу, пишу этот дневник.

---

¹ «Маддалена» – одноактная опера С. Прокофьева.

² Держановский Владимир Владимирович (1881–1942) – музыкальный деятель.

³ Канкарович Анатолий Исаакович (1885–1956) – дирижёр и композитор.

29 июня 1911. Новороссийск

За день до моего отъезда в Сухум мы сидели с Тоней¹ в сквере между Летним садом и Инженерным замком. Тоня, видимо, сожалела, что я уезжаю, была удивительно мила, всё говорила: «Последний раз, последний раз...», обещала часто мне писать – и сдержала это слово.

3 сентября, Москва

На другой день я тронулся в Петербург, побывал там у Лили Коншиной² на свадьбе и затем отправился с мамой в Сухум – сочинять «Маддалену»-оперу.

3 сентября. Кисловодск. На даче у Рузских³

Я прогостил всего десять дней в конце мая и отправился в Сухум с мамой.

4 марта 1913

Я иногда очень восхищаюсь сильным ароматом. Помню, попав первый раз в Сухум, я до одурения впивался в гардении.

13 сентября 1913

Так как мама привезла шикарные сухумские груши и яблоки, то по традиции предыдущих годов надо было поднести их Есиповой⁴.

Октябрь 1917

Первого октября я неожиданно отправился в Теберду. Теберда преинтересный уголок, лежащий в горах на Военно-Сухумской дороге. Эта дорога идёт от станции Невинномысской (что в двух часах езды от Минеральных Вод) и, с большими трудностями перевалив через Кавказский хребет, спускается прямо к Сухуму.

Оставив англичанина исследовать возможности постройки санатория, мы на другое утро в линейке отправились дальше по Воен-

---

¹ Тоня – Антонина Рудаевская.

² Коншина Лили – знакомая С. Прокофьева.

³ Рузские – Николай Павлович, Таня и Ира (его дочери) – семья виолончелиста Н.П. Рузского, петербургские знакомые С. Прокофьева.

⁴ Есипова Анна Николаевна (1851–1914) – пианистка, профессор Петербургской консерватории.

но-Сухумской дороге до перевала и тут-то увидели восхитительную красоту. Недаром же говорят, что Военно-Сухумская дорога красивей Военно-Осетинской, Военно-Осетинская красивей Военно-Грузинской, а как красива Военно-Грузинская знают все. Когда мы въехали в невероятные дебри, где страшные пропасти обрушивались на сотни саженей, а над головой поднимались горы до небес, в пропасти бурлили потоки, а с противоположной стороны чернели девственные леса и сияли всеми фантастическими красками другие, ещё более высокие горы, тогда я себя чувствовал в волшебном сказочном царстве. Наконец, мы достигли сторожевой будки у подножья перевала. Дальше следовала лишь пешеходная тропинка. Оставив у будки лошадь, съедобности и пленного австрийца, мы вооружились палками и по крутому подъёму двинулись к Клухорскому перевалу, до которого оставалось ещё 2000 футов. Но тут оказалось, что северянин горному жителю не товарищ. И в то время, как обитатели Закавказья братья Джунковские¹, как козлы, прыгали с камня на камень, я скоро задохся от разреженного воздуха и быстрого подъёма и начал отставать. А между тем надо было до темноты поспеть на перевал, взглянуть на склон к Чёрному морю и вернуться в будку. Я просил их не обращать на меня внимания, говоря, что если я почувствую себя лучше, я их догоню, если же хуже, то спущусь к будке. Джунковские скоро скрылись в верхах, а я, отлежавшись на припекавшем солнышке, поднялся ещё вверх, до уровня нетающих снегов, а затем спустился в будку. Вскоре вернулись и Джунковские, которые без малого не дошли до трудного перевала, и затем, после яростного спора (я говорил: надо ночевать в будке, они: ехать в Теберду) выехали по непроглядной ночи среди камней и пропастей обратно. К полуночи мы кое-как добрались до Теберды, а на другой день к вечеру, прямо на автомобиле, вернулись в Ессентуки, довольные, усталые, загорелые.

Прокофьев С. Дневник. Т. 1. 1908–1918. Париж, 2002. С. 51–52, 134–136, 152–153, 162, 164, 169, 239, 350, 672–673.

Публикацию подготовил А.Я. Дбар

---

¹ Джунковские – попутчики в путешествии по Военно-Сухумской дороге.

В.П. ПАЧУЛИА

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

Великому писателю и патриоту Л.М. Леонову принадлежат слова: «Да, мы любим свое, наше, потому что на нем лежат отпечатки мечты и золотых рук наших гениев; да, нам дорог этот наш дом, содеянный подвигом предков и всесторонне оборудованный достижениями пятилеток... Наше отечество лучше других потому, что оно есть спасательный прообраз людского общества».

Еще совсем молодым писателем в середине двадцатых годов Леонид Леонов впервые посетил Сухум. Остановился он тогда на частной квартире недалеко от моря. Он проводил время на пляже, в прогулках по городу и окрестностям.

В Сухуме тогда велась большая работа по строительству и реконструкции. В городе уже были электрическое освещение и водопровод, некоторые улицы были вымощены. Среди культурных учреждений было богатое книгохранилище по улице Октябрьской революции (ныне улица Ленина¹, № 4), Академический театр Абхазии, Государственный театр (бывший частный театр Самуриди). На улице Октябрьской революции в доме № 21 находилось Абхазское научное общество, рядом – Государственный музей Абхазии, а при нем научно-краеведческая библиотека с большим книжным фондом, тематика которого относилась к Кавказу, в частности к Абхазии.

В Сухуме единственная тогда в Союзе имелась климатическая станция, действовавшая только в зимне-осенний период – с 1 октября по 1 июня. На 4 летних месяца Сухумский климатический курорт для больных был закрыт, здесь отдыхали лишь люди, не нуждавшиеся в стационарном лечении, и туристы. У всех приезжих большой интерес вызывала Сухумская большая глубокая естественная бухта; мола еще в то время не было, была только лодочная пристань, и пассажиры пароходов, останавливавшиеся на рейде, переправлялись на фелюгах. Основная часть грузов – даров абхазской земли – фрук-

¹ Совр. Проспект Леона.

ты, цветы, древесина и др. – вывозилась через Сухумский порт. Привлекала приезжих экзотика сухумского базара и множество кофеен на набережной.

Обычно все отдыхающие в Сухуме посещали одну из главных его достопримечательностей – дендропарк, заложенный Н.Н. Смецким. В то время Смецкой был еще жив, и двери его гостеприимного дома были открыты для всех желающих познакомиться с историей зарождения этого замечательного природного феномена. Во время своего отдыха Леонид Леонов неоднократно посещал Сухумский дендропарк, который произвел на него неизгладимое впечатление. Вот что сообщил об этом по нашей просьбе Леонид Максимович: «В Сухуме потряс меня сад Смецкого.., кстати, именно там появилась моя общеизвестная ныне привязанность к ботанике и растительным редкостям, спустя почти четверть века после знакомства с этим садом, вылившаяся в защиту “зеленого друга” и позже в написании романа “Русский лес”».

«В те годы, – вспоминает далее Леонид Леонов, – я был еще совсем молодым писателем... и пребывание мое в Сухуме, как и второй приезд в столицу Абхазии в 1934 году, остались незамеченными для местных литературных кругов.

Дневников я тогда не вел и поэтому вспомнить сейчас что-либо о днях своего пребывания в Абхазии спустя полвека, мне, конечно, очень трудно».

Именно во второй приезд Леонид Леонов и Бруно Ясенский в Гаграх в гостинице «Гагрипш» встретились с председателем ЦИК Абхазии Нестором Лакоба. По этому поводу бывший редактор газеты «Советская Абхазия» М. С. Шалашников¹ в изданной в Сухуме книге «Потомки Абрскила»² пишет: «Помню, приехал в Гагры. Выполнял поручение по проверке Гагринского курорта. Узнал, что Нестор Аполлонович остановился в “Гагрипше”. Нужно было с ним посоветоваться. Решил зайти. Я застал Нестора Аполлоновича в кругу гостей из Москвы... Это был писатель Леонид Максимович Леонов, автор известной книги “Я жгу Париж” Бруно Ясенский³, председатель

---

¹ Шалашников Михаил Степанович (1906–1992) – журналист.

² Книга воспоминаний М. Шалашникова «Потомки Абрскила» вышла в 1977 г., второе издание – в 1986 г.

³ Бруно Ясенский (1901–1938) – польский и советский писатель, поэт, драматург.

правления Госбанка СССР Марьясин¹ (бывший руководитель всеобуча, на недавно обнаруженном снимке, стоящий рядом с В. И. Лениным, принимающим парад всеобуча на Красной площади) и другие.

Разговор, прерванный моим приходом, возобновился.

Он касался литературы отечественной и зарубежной, старой и новой, различных литературных течений и жанров, подчас доходил до тонкостей, в которых я, откровенно говоря, не разбирался. А Нестор Аполлонович то подливал масла в огонь полемики, то очень мягко, тактично оспаривал некоторые точки зрения, то говорил о том, чего не хватает в нашей литературе.

Нестор Аполлонович удивил меня, обнаружив глубокое знание жизни, наблюдательность, позволявшую ему видеть в отдельных фактах черты характерных явлений советской жизни: ее новь, героизм, пафос. Царила тишина в комнате, когда он говорил.

Нестор Аполлонович как-то узнал, что Л. М. Леонов страстный коллекционер кактусов. Леонид Максимович признался, что хотел бы иметь кактус какого-то очень редкого вида, что в Абхазии он есть, но только в двух экземплярах. Коллекционеру было обещано желаемое. И ему, действительно, вскоре подарили этот редкий кактус».

Пачулиа В.П. Русские писатели в Абхазии. – Сухуми: «Алашара», 1980. – С. 68–70.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ И БРУНО ЯСЕНСКИЙ В ГАГРАХ

В Гагры прибыли совершающие поездку по Закавказью писатели ЛЕОНИД ЛЕОНОВ и БРУНО ЯСЕНСКИЙ.

Писатели вручили сотруднику «Советской Абхазии» нижепубличные письма.

Поездка по абхазии глубоко поучительна

– Впервые я посетил Абхазию в 1926. В этом году, именно в Сухуме, я заканчивал моего «Вора». Тогда же и началась моя самая горячая привязанность к этой удивительной стране. Она во многом

---

¹ Марьясин Лев Ефимович (1894–1938) – советский государственный и партийный деятель.

изменилась с тех пор. Меня радует, что, не теряя прежней своей роли – гигантского курорта для строителей социалистического общества, она, усилиями абхазского правительства, приобретает сейчас значение первоклассной лаборатории, где акклиматизируются и разводятся новые технические и медицинские культуры, утверждающие нашу независимость от иностранных поставщиков. Поездка по Абхазии может быть не только приятной, но и глубоко поучительной.

Привет мой солнечной советской Абхазии.

Леонид Леонов

11 октября 1934 г. Гагры.

Страна неисчерпаемого многообразия

– Для нас, для западников и северян, приехавших подышать соленым абхазским воздухом, Абхазия – советская Флорида, будущий Голливуд советской кинематографии, здравница, заряжающая ежегодно тысячи людей Союза калориями бодрости и оптимизма, мечта о советских тропиках, ботаника, ставшая поэзией, и поэзия, материализованная в растениях, в художественной выдумке природы, организованной человеком.

Для строителей вашей республики Абхазия – боевые будни материального и культурного роста страны, будни непрекращающейся борьбы за выполнение обязательств перед всем трудовым населением СССР (кому много дано, с того и много спросится).

Но и для нас, и для всего нашего огромного Союза, и для его будущих коммунистических обитателей – Абхазия, прежде всего, – социалистическая фабрика солнца, конденсированного в табаке, в субтропических фруктах, в тех простых материальных радостях, которые в их неисчерпаемом многообразии станут скоро повседневным достоянием каждого производящего человека в нашей социалистической стране.

Бруно Ясенский

11 октября 1934 г. Гагры.

Советский писатель Абхазии (18 октября 1934, № 13)

Г. КОРОЛЕВ

ПИСЬМА ИЗ АБХАЗИИ. О ПОЛОЖЕНИИ И НАСТРОЕНИЯХ В СУХУМСКОМ ОКРУГЕ

Одной из наиболее своеобразных в политическом отношении окраин республики является без сомнения Сухумский округ, наиболее, оторванный во всех отношениях от своей метрополии и предоставленный самому себе вернее своей собственной беспомощности.

То ненормальное положение, которое создалось в Абхазии, объясняется, конечно, не слабостью политики центрального правительства, а явилось в результате слабых связей с центром и логически вытекающего отсюда отсутствия твердого курса в политике местной недостаточно организовавшейся демократии. Эта оторванность от центра и слабость местной демократии дали возможность группе местных и пришлых реакционеров развить свою деятельность, под флагом абхазской «независимости».

Для этой группы все реформы, инициатива которых исходила из центра: выборы в народный совет, введение земства и др. есть покушение на свободу самоопределяющейся Абхазии (пункты «в» и «г» в их декларации). Абхазия должна быть, по их мнению зависимой от центра постольку, поскольку угодно будет им ее ограничить написанной ими конституцией. И пишут, взваливая на маломощные плечи народов Абхазии или точнее абхазцев независимость в организации: войск, таможен, внешней политики, налогов, земельного законодательства, финансов; требуют участия в разрешении вопросов связанных с эмиссионным правам и оставляют за собой право представлять в общегосударственном законодательном органе; по мнению этой группы, Абхазия должна иметь политического представителя в Грузии и вправе пересматривать общее законодательство, касающееся интересов Абхазии; распоряжение богатствами земных недр и народно-ценными хозяйствами не должно касаться центра и пр. и пр. и пр.

Вот какой «автономии» для народов Абхазии желает группа 13-и депутатов народного совета во главе с деп. Демьяновым и Какуба (деп. Чхотуа официально заявил о выходе из этой группы).

Люди, которые, в свое время кричали о нелепости решения демократии Грузии провозгласить независимость республики, теперь вдруг стали сами в ряды борцов за «независимость» округа с 200 тысячной горсточкой населения. Поборниками свободы малых народов являются князья, дворяне, владельцы земли, для которых тесная связь с республикой несет лишение источников ренты и привилегий. Их поддерживают попы, чиновники, постоянные прихвостни имущих и часть интеллигенции, которую пугают грузинской национализацией и лишением мест.

Это, по существу, антиреспубликанское и антидемократическое, а по форме широко-автономистское течение проникло и в среду с.д. фракции народного света, отделив более неустойчивых.

Демократия Грузии и Абхазии должна обратить серьезное внимание на работу г. г. Демьяновых и Какуба в Абхазии.

Для того, чтобы парализовать деятельность этих господ против развивающихся центробежных сил от демократии Грузии устремленной в сторону реакционной ориентации демократия Абхазии прежде всего должна позаботиться об укреплении своих связей с демократией республики и активно приняться за работу внутреннего демократического строительства, вызывая к жизни производительные силы края и постоянно сохраняя для народа завоевания революции.

«Борьба». № 220(476). Тифлис. Воскресенье, 28-го сентября 1919 г.

ОТВЕТ «ДЕЛЕГАЦИИ» НАРОДНОГО СОВЕТА АБХАЗИИ И ГАЗ. «БОРЬБА»¹

В официозе грузинского правительства, газ. «Борьба» в № 229 от 29 октября помещено «опровержение» заявления представителей группы «14» а не «13» – депутатов Народного Совета Абхазии, как упорно искажает газ. «Борьба». «Опровержение» это исходит от так называемой «делегации» Народного Совета Абхазии и редакц. газ. «Борьба».

Мы очень внимательно прочли передовицу «Борьбы», посвященную «опровержению» нашего заявления груз. правительству и самое опровержение «делегации», но должны признаться, что никак не могли понять, что собственно опровергают г.г. делегаты и «Борьба».

Наоборот, их разъяснения еще более подтверждают действительность приведенных нами фактов газ. «Социал-Демократ».

Только, так сказать, долг службы мог заставить г.г. авторов пуститься на объяснения.

Как утопающий за соломинку, г.г. «делегаты» ухватились на наше указание, что «делегацию» возглавляет г. Королев. Мы вовсе не думали, что это их обидит. Возможно, что г. Королев уже подал «в отставку» или его учили после какого-нибудь очередного «недоразумения», в среде их, но что г. Королев был руководителем их первые дни приезда в Тифлис, а в настоящее время продолжает быть вдохновителем «делегатов», мы полагаем, не станут отрицать они сами. Стоит ли из-за этого кривить душой! Наконец, это и не так важно.

Важно то, что сами «делегаты» признались в том, что не представили грузинскому правительству ни одного проекта, как принятого Советом. Тогда спрашивается, для чего же приехали г.г. «делегаты» и что они будут защищать, отстаивать? Да и вряд ли кто-либо из делегировавших их серьезно думал, что г.г. «делегаты» смогут работать в конституционной комиссии. Ведь некоторые из них за все время существования Нар. Сов. Абхазии не произносили ни одного слова.

Ясно, что «труды» этой «делегации» даже с членами груз. Учредительного Собрания будут напрасны и не дадут желанных результатов для демократов Абхазии.

---

¹ Газ. «Социал-Демократ», № 86, от 13.X.1919 г.

Наконец, откуда взяли г.г. «делегаты», что в среде большинства Народного Совета осталось 9 человек, из коих, якобы трое представлены в «делегации». Не станем спорить, лучше приведем их фамилии: В.А. Шервашидзе, Д.К. Эмухвари, В.Г. Гурджуа, К.Н. Акиртава, А. Кирия и соц. рев. В.Т. Анчабадзе. А кто же еще? Не считать же Убирия, Цава, Гвалия и других самурзаканских мингрельцев за абхазцев? Не господин ли Цава упорно отказывался причислять себя к абхазцам, на чем настаивали по некоторым соображениям его товарищи?

Почему г.г. «делегаты» обходят молчанием уход из соц.-демокр. фракции Совета семи абхазцев «меньшевиков» – и Д.В. Захарова и отказ Зухбая от них.

На гнусную клевету их, что среди группы «14» находятся явно сочувствующие деникинцам, мы можем только ответить: «клеветайте, клеветайте, от клеветы, что-нибудь да останется». Если вы не клеветаете, то потрудитесь назвать тех, кого вы считаете за деникинцев? Не стесняйтесь, назовите!

А пока разрешите напомнить вам про историю братания вашего ген. с Алексеевым и совместной борьбы против большевиков в районе Белореченской и Майкопа. Может быть ген. Алексеев был демократ и даже меньшевик?

Бросьте же, наконец, эту скверную привычку клеветать и причислять всех инакомыслящих к деникинцам! Иногда вы до того забываетесь, что начинаете причислять и большевиков к деникинцам.

Напрасны ваши усилия отделиться от приведенных нами фактов ссылкой на виновность во всех деяниях агентов правительства большевиков и пресловутого турецкого десанта. Не укажите ли вы, где и кого в Абхазии подожгли или разорили большевики?

Да и что это за слово «эксцессы»? Мы его слышали не раз из уст печальной памяти – Дубаловых, Треповых, Столыпиных и прочих сатрапов самодержавия, когда им приходилось давать объяснения по поводу еврейских погромов.

Вы называете эксцессами сожжение десятков домов и разграбление тысячи мирных абхазцев и армян! Как вы хорошо усвоили язык самодержавия! Неужели, указанные нами факты беззакония и насилия над мирным населением Абхазии потеряли силу значения из-за того, что прошло с тех пор 1½ года?

Разве «случай» не пропуска исключительно абхазцев через Кодорский мост в продолжение 11 дней, история освобождения разбойника Дадиани полковником Тухарели – и действия отряда последнего в с. Тамыш – это же было 1 ½ года тому назад!

Кто же из тех лиц, указанных нами, как на виновников поджогов, порки и т. п. привлечены к ответственности?

Ваше старание, г.г. «делегаты», скрыть истину в действиях агентов правительства в Абхазии и ввести в заблуждение, как правительство, так и общественное мнение Грузии, едва ли будут иметь успех, если правительство и демократия Грузии отнесутся более внимательно к голосу демократии Абхазии и не будут пользоваться услугами таких информаторов, как г. Королев.

На выпады газ. «Борьба» – и сравнение нашего проекта Конституции автономной Абхазии с венгерской, мы ответим особо в следующий раз.

*Делегаты от группы 14-ти
депутатов Нар. Сов. Абхазии
И. Маргания и М. Тарнава*

Газ. «Социал-Демократ», № 86, от 13.X.1919.

Михаил ТАРНАВА

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ДЕМОКРАТИИ АБХАЗИИ

(Заметки из современной политической жизни Абхазии)

I

За последнее время в органах грузинской печати начали появляться статьи относительно положения дел в Абхазии. Автор этих статей, рассчитывая на неосведомленность грузинского общества в делах Абхазии и стремлениях и нуждах ее демократии, бесцеремонно извращают факты.

Один из таких авторов, г. Королев, в газ. «Борьба» №220 умело клеветает на Абхазскую демократию и ее представителей в Народном Совете Абхазии. Он состоял членом Народного Совета Абхазии и находясь на особом счету у грузинского правительства, усиленно старается, не разбираясь в средствах, сделать демократию Абхазии жертвой захватнической политики грузинских социал-патриотов.

Под видом объединения демократии Абхазии с демократией Грузии и создания этим внутреннего революционного фронта против реакции, г. Королев проводит политику разложения, натравливания и порчи взаимоотношений между двумя братскими народами.

Такая политика правящих кругов Грузии, проводимая людьми, поставленными в соответствии с ролью, как Королевым, раздражает общественное мнение Абхазии, вызывает антагонизм и создает в Абхазии искусственно условия и настроения, благоприятные для нашествия черной реакции Деникина. Отсюда я должен сказать, что эта политика неразумна и близорука, а ее проводники сознательно или бессознательно служат делу реакции и поражению демократии.

Переходя к содержанию статьи г. Королева, я должен заметить, что причина создавшегося в Абхазии ненормального положения, наличие которого автор правильно констатирует, заключается не в том, что Абхазия оторвана от центра и является вне его влияния, а в том, что она чересчур парализована этим влиянием. Она лишена всякой самостоятельности и фиктивные органы местной «автономной» власти народный совет и комиссариат Абхазии не могут ни в чем проявить самостоятельность. Их можно считать излишними, ибо ничего не остается делать им. Если их упразднить, то получается нормальное положение в Абхазии, как в стране оккупированной.

Ненормальность положения создается чрезмерным стремлением центрального грузинского правительства к захвату фактической власти в Абхазии и неправильной политикой его агентов на месте. Вся полнота власти в Абхазии находится в руках этих агентов. В городах созданы военные комендатуры, в центре окружное военное управление под названием штаба обороны во главе с полк. Тухарели, в уездах оперируют войсковые части по своему усмотрению, заменяя администрацию, словом все военно- административное управление страной находится в руках военных агентов грузинского правительства.

Все учреждения по всем отраслям народной жизни, не исключая и учреждений местного значения, инструктируются и контролируются центральным правительством и в целом ряде их проводится насильственно механическим путем грузинская национализация.

Такое положение вещей является результатом агрессивной политики правящих кругов Грузии, проводимой через Королева и Ко. Но мы не хотели бы видеть такого положения дел, ибо это вызывает недоверие между народами Грузии и Абхазии и одинаково вредные последствия. Поэтому, объединившись вокруг этого сознания, депутаты народного совета, наиболее заинтересованные в судьбе Абхазии и установлении добрососедских отношений с Грузией, выступили в числе 14 чел. против такого наступательного движения.

Социал-Демократ. № 87, от 20.X.1919

II

Выступление 14-ти депутатов Народного Совета в защиту интересов демократии Абхазии и с целью установления с демократией Грузии нормальных отношений г. Королев предвзято характеризует стремление к сепаратизму и самостоятельности. Он говорит, что в Народном Совете образовалась группа контрреволюционеров под флагом абхазской независимости.

Подобной группы в Совете не было и нет. Существует только так называемая фракция независимых социалистов в числе 4-х человек из абхазской интеллигенции: Маргания, Алания, Цагурия и Чанба. Но они известны, даже и самому Королеву, как левые социалисты, которые назвали себя независимыми только в смысле непримиримости и борьбы с грузинской правительственной партией

в ее неправильной политике вообще и в частности по отношению к Абхазии. С ними по одному списку по некоторым вынужденным обстоятельствам в совет вошли три человека не их убеждения – Демьянов, Какуба и Чхотуа. Но на первом же заседании произошел между ними раскол, вылившийся в образование двух самостоятельных фракций.

В данном моменте эти две фракции и представители некоторых других фракций облокировались в разрешении одного не социального, а чисто практического и культурно-национального вопроса об установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией. В этом же в вопросе объединились и другие депутаты Совета направления грузинской правительственной партии, среди которых фигурирует и г. Королев.

Указание г. Королева, что оппозиционную группу 14-ти депутатов возглавляет Демьянов, является ложным. Демьянов, Какуба, Чхотуа и Мартин вошли в эту группу, отказавшись от своего первоначального, более правого, проекта и согласившись с проектом социалистической части группы. Руководящего влияния они в этой группе не имеют, при отправлении своих представителей для переговоров с грузинским правительством по данному вопросу обошли их.

Что касается ухода из с.-д. фракции некоторых членов, то это было вызвано не влиянием со стороны, а внутренним разногласием в самой фракции как по конкретному вопросу, так и по общим тактическим вопросам партии, а также искусственной спайкой фракции. Численность фракции искусственно увеличивалась главарями, как Королевым, чтобы посредством пассивных проводить свои тенденциозные желания. В нее включались и лица, не принадлежащие ни к какой социалистической партии и проведенные предварительной партией Грузии по особым местным спискам с известным расчетом. Вполне естественно, что такая неоднородная фракция не могла избавиться от разложения. Результатом этого явился выход из с.-д. фракции 3-и ее членов беспартийных: Базба, Кобахия и Цвижба и нет основания это приписывать чьему-либо влиянию. Что касается ухода из с.-д. фракции остальных 4-х ее действительных членов: Чукбара, Барцица, Дзукуя и Тарнава, то ни о каком влиянии на них не приходится говорить, ибо они с самого начала заявили о своем несогласии с декларацией фракции, составленной в их отсутствие

Королевым и Ко. Когда они потребовали изменения некоторых положений декларации, то фракция им в этом отказала, разрешив иметь особое мнение по спорным вопросам.

Таким вопросом явился вопрос об автономии Абхазии. Со стороны 4-х ушедших было сделано все возможное к соглашению. Но благодаря компании Королева старания не увенчались успехом. Тут прибавились еще и общие тактические расхождения.... Роковой ошибкой заброшенных в Абхазию и исполняющих казенное дело.

Социал-Демократ. № 88, от 27.X.1919

III

Таким образом в Народном Совете Абхазии образовались два противоположных лагеря – более заинтересованное в судьбе края меньшинство и фиктивное беспочвенное большинство. Причина этого ненормального положения лежит в основах выборов в Народный Совет. После разгона агентами грузинского правительства второго Абхазского Народного Совета из центра была назначена правительственная избирательная комиссия. По выработанным ею положениям утвержденным грузинским правительством, были произведены выборы в Народный Совет. По этим положениям избирательное право предоставлялось всем гражданам без различия подданства, несмотря на то, что в самой республике были установлены твердые государственные принципы в этом отношении. Но это было сделано с известным расчетом на незаконный и насильственный захват власти в Абхазии грузинской правительственной партией, ибо негосударственный, переходящий элемент населения был настроен в пользу этой партии.

Настроение это было создано искусственно грузинской партией путем непомерных обещаний, разжигания национальных страстей и возбуждения опасения в имущественной и личной неприкосновенности этих частей населения. Правительственные агитаторы говорили открыто этим слоям населения, что если они не будут голосовать за меньшевиков- грузин, то абхазцы займут господствующее положение и будут притеснять их вплоть до насильственного выселения и даже физического истребления.

Предвыборную агитацию вела только почти правительственная партия Грузии с чрезмерным усердием и остервенением, переходив-

шим подчас в нарушение правил выборного производства формально и по существу. Другим партиям всячески ограничивалась возможность агитирования за своих кандидатов.

В результате такой постановки и правил выборного производства в Совет вошли в большинстве люди, мало известные местной демократии и мало заинтересованные в судьбе края. Они прошли главным образом голосами турецкоподданных и греческоподданных и разных беженцев, проходивших через Абхазию. Таким образом, это большинство Совета теперь не имеет за собой огромного числа своих избирателей, которые уже успели в большинстве своем пройти путь своего переселенческого движения. Но тем не менее оно (большинство) узурпировало власть истинного ядра Народного Совета и ведет заказанную работу в ущерб интересам демократии Абхазии.

Большинство это не составляет законного числа для решения важнейших вопросов. Совет стал в тупик – он не может выявить своей законной воли и это весьма понятно, принимая во внимание принципы и технические условия его комплектования. Логическим выходом из создавшегося положения является проверка полномочий Совета не путем бумажной ревизии, а путем выяснения истинной воли народов Абхазии и сличения ее с действиями Совета.

Однако, этого не делает большинство Совета, не хочет рыть заведомо себе яму. Но демократия Абхазии должна потребовать отчета в действиях заправил Совета.

Из сказанного выше о выборах Народного Совета Абхазии читатель может подумать, что мы против применения широкого избирательного права. Нет, мы не против этого, мы только подчеркиваем неблагоприятные цели применения этого принципа грузинской партией в исключительно своих национально-государственных принципов. Чтобы последнее яснее себе представить мы приведем один факт из грузинской партии в Совете (под грузинской партией надо подразумевать не только грузинских меньшевиков, но также соц.-рев., соц.-фед. и нац.-демокр., ибо они все объединены, по крайней мере в Совете одними национально-государственными узами).

Составив в Совете большинство путем нарушений своих государственных принципов и правил выборного производства и воссев на свое ложное место, грузинская партия издала закон о подданстве при выборах городских самоуправлений в Абхазии. Этим она лиши-

ла право голоса все абхазское, армянское, русское и иное городское население, кроме грузинского, ибо эти части населения еще не принимали грузинского подданства.

Таким образом хозяйственные учреждения, как городские самоуправления, избираются под строгим правилом государственности, а более важные политические органы народовластия с учредительными функциями избираются как-нибудь, лишь бы цель достигалась.

Вот как последовательны г.г. грузинские государственники.

Социал-демократ. № 90, 10 ноября 1919

Одним из видных представителей абхазской интеллигенции 1910–1940-х годов был Михаил Иванович Тарнава (1895–1941), выходец из села Лыхны. В свое время он привлек к себе внимание общественности как замечательный публицист и автор ряда работ по истории и культуре Абхазии, среди которых особенно выделяется цикл статей «Культурный перелом в абхазской жизни» (см.: Сухумский вестник, 1916) и книжка «Краткий очерк истории Абхазской церкви» (Сухум, 1917). Ему же принадлежат «Воспоминания о революционном движении в Абхазии за 1917–1921 годы», завершенные автором в ноябре 1940 г., фрагменты из которых были опубликованы мною в альманахе «Литературная Абхазия» (1991, № 1, с.194–212)

Значительное место в мемуарах занимают главы, посвященные деятельности трех Абхазских Народных Советов (АНС) и оккупации Абхазии войсками Демократической республики Грузия (1918–1921). Главная ценность очерков заключается в том, что взгляд на факты, события и непростые ситуации в АНС дан «изнутри» одним из основателей АНС (основан 8 ноября 1917 г.). Здесь следует отметить, что еще в начале 1919 г. Михаил Тарнава вместе с рядом других абхазских деятелей примыкал к партии грузинских меньшевиков (социал-демократов), вместе с которыми и прошел в депутаты третьего АНС (с мая 1919 г. переименован в Народный Совет Абхазии). Однако очень скоро М. Тарнава и др. абхазцы разочаровались в политике правящей грузинской меньшевистской партии и осенью 1919 г. примкнули к «независимцам» (независимые социалисты) – С. Чанба, Д. Алания, М. Цагурия, И. Маргания, а также Р. Какубава (Какуба), А. Демьянов и А. Мартин.

Михаил Тарнава играл заметную роль в группе депутатов оппозиции в Народном Совете Абхазии (1919–1921 гг.), неоднократно выступал с заявлениями и обращениями, направленными против карательных мер политики правительства Грузии (например, заявление от 29 сентября 1919 г.).

Особый интерес вызывает его полемика с представителями центральной грузинской власти в 1919 г. Так, на письмо секретаря Народного Совета Абхазии Г. Королева (прислан из Тифлиса), опубликованном в газете «Борьба», депутаты Иван Маргания и Михаил Тарнава ответили жестко и по существу. Тогда же в газете «Социал-демократ» вышла серия статей Тарнава «Друзья и враги демократии Абхазии», в которых он подверг резкой критике оккупационный режим Грузии в Абхазии, приводя многочисленные факты антиабхазской политики.

... Не прошло и года как М. Тарнава завершил свои воспоминания о 1917–1921 гг. В сентябре 1941 г. вместе с другими представителями интеллигенции, некогда активными деятелями АНС С.П. Басария, Р.И. Какуба и др., он был арестован, а 22 декабря 1941 г. расстрелян.

Станислав Лакоба

Марта ТОМБЕРГ

НА ПУТИ В АБХАЗИЮ

Марта Томберг

Мой дед с семьей впервые приехал в Абхазию в январе 1892 г. Было в ту пору моему отцу 8 лет. Что их больше всего поразило в первые же дни, так это удивительно теплые дни. Люди ходили в одном платье, даже дороги пылились и летали желтые бабочки.

Поселились они на территории села Эстонка. Выделили им участок земли, но его надо было очистить от леса, зарослей, кустарника и колючек. Этим заняться пришлось деду одному, поскольку у бабушки был грудной ребенок. Отец зимой ходил в школу, а летом

пас свиней богатого соседа, чтобы заработать копейку в дом.

Вскоре вся семья заболела малярией. Прожили всего в Абхазии 5 лет и, боясь оставить детей сиротами, бабушка умоляла деда вернуться обратно в Эстонию.

Сложив весь свой скарб в один единственный сундук, двинулись обратно. Своих денег на дорогу не хватало – и пришлось просить помощь у родственников. По возвращении в город Пярну (откуда они были родом), они устроились работать на Синдскую суконную фабрику, дед кочегаром, бабушка ткачихой, отец учеником слесаря, старшая дочь ученицей прядильщицы. Остальные дети были малолетние. Отцу исполнилось в тот год 13 лет. Дали им угол в кирпичном бараке для жилья, где они ютились до тех пор, пока не сумели подыскать себе отдельную комнату.

Когда я в 1970 г. гостила у своей сестры в Таллине, мы решили с ней посетить места, так живо и подробно описанные отцом.

Фабрика находилась за городом в километрах 15 от Пярну.

Нашли эти кирпичные бараки, где они жили. Они и теперь стоят, двухэтажные длинные громады, среди современных построек, только внутри уже перестроены на отдельные квартиры.

Заводской пруд, по рассказам отца, должен быть довольно большой и глубокий, где они летом купались, а зимою катались на коньках, оказался совсем небольшим и мелким, по берегам заросшим камышом и осокой и только у самой плотины, где вода падала с высоты 3-х метров, можно было догадаться, что это живая река, а не стоячее болото.

Здание фабрики перестроено в 1932 году. Из старого здания мало что осталось. В настоящее время ведется реконструкция цехов.

Хозяин фабрики был немец и жил постоянно в г. Пярну. Всеми делами на фабрике руководил управляющий, по национальности немец, который по-эстонски плохо говорил и открыто их презирал.

Поработав на фабрике 5 лет, дедушку потянуло опять на юг. К этому времени приступы малярии у членов семьи прекратились, а память о теплом климате Абхазии крепко засела в сознании каждого. Решили вернуться. И снова долгая дорога с несколькими пересадками.

Из Пярну на лошадях (повозках) до г. Риги. Из Риги по железной дороге до Смоленска. Там пересадка на Одессу. Из Одессы на пароходе до Сухума. А там опять на повозке до села Эстонка.

Недаром у нас говорят: «Кто хоть раз выпил воды из реки Кодор, обязательно, куда бы не уехал, назад вернется».

Снова начали приобретать с трудом нужную скотину для хозяйства. Наделав долгов, купили домик для жилья.

Отец устроился работать помощником машиниста паровоза на Кодорскую лесопильную фабрику капиталиста Максимова. Поезд этой узкоколейки возил бревна из Джургели (?) на завод. Сельское хозяйство носило характер натурального и денежного дохода почти не давало. А купить нужно было много чего – и обувь, и одежду, да и сельхозинвентарь.

Так что зарплату отца ждали в семье с нетерпением.

Наступили тревожные дни 1905 г. в России. Отклики его отразились и в сознании рабочих завода, где работал отец. Принимал он участие и в митингах, какие проходили на заводе... Но вот Максимов свой завод закрыл и отец вернулся в село. По его словам, жизнь была трудной, вечная нужда в деньгах. Одно утешение было – молодые годы, когда жизненные невзгоды кажутся не такими тяжкими.

Отец был еще не женат и принимал активное участие в художественной самодеятельности села. Играл в пьесах, которые ставились в клубе села, пел в хоре, которым руководил, как правило, учитель школы.

Любил музыку, играл в молодости в духовом оркестре фабрики в Эстонии. Много читал художественной литературы на эстонском и русском языках. Неплохо знал историю и географию, поскольку перечитал все мои школьные учебники.

Пела в хоре и моя мать. Там они и познакомились с отцом. В конце 1910 г. они поженились. В Первой Мировой войне отец участия не принимал, так как скоропостижно умер дедушка, и он остался единственным мужчиной в семье при престарелой матери и малолетних детях.

Я родилась в октябре 1917 года и была в семье четвертым ребенком. Вначале училась в родном селе. Школа была четырехклассная и преподавание велось на эстонском языке. После третьего класса перешла учиться в соседнее русское село, чтобы освоить русский язык и можно было бы продолжать учебу дальше в городе. Окончив начальную школу, я поступила учиться в 5-й класс 6-й НСШ [неполной средней школы] города Сухума.

После семилетки поступила в техникум. Когда я училась на II курсе, умерла мать, старшие сестры вышли замуж, женился и брат, а я с меньшей сестрой осталась при отце. Будь это во время царизма, учиться мне не довелось бы больше. В 1939 г. я поступила в Сухумский педагогический институт на факультет истории. Окончила его в 1942 году. После института была направлена на работу в Драндскую НСШ в качестве завуча и преподавателя истории.

Поскольку время было военное и автобусы не ходили, мне приходилось шагать на работу в Дранды и обратно 10 км. В 1944 г. я попросила перевести меня в эстонскую школу, где открыли 5-й класс.

Приходилось вести многие предметы, поскольку учителей в селе не хватало. С 1949 г. меня назначили завучем этой школы, и проработала им до выхода на пенсию в 1972 году.

Долгое время была агитатором в бригадах колхоза. В течение 9 лет вела комсомольскую политшколу при колхозе «Эстонка».

С 1955 по 1972 год избиралась депутатом Владимирского сельского совета. Неоднократно выступала с лекциями и докладами в

колхозе, школе, на родительских собраниях. В настоящее время являюсь членом общества «Знание».

Своей семьи я не создала. Помешала война и бесконечная занятость в школе и вне школы.

Так и живу одна, и чтобы не чувствовать себя замурованной в 4-х стенах, продолжаю работать в школе по мере своих сил.

Данная автобиография написана Томберг Мартой Робертовной (родная сестра моего дедушки, Томберг Густава Робертовича).

Родилась Марта Робертовна в октябре 1917 г., ушла из жизни 1 марта 1997 г. в с. Эстонка.

Данную копию рукописи передаю историку С.З. Лакоба – внучка Густава, Строчан-Киселева Анна Викторовна.

8.02.2024 г.

г. Сухум

**КРАСНАЯ ПОЛЯНА. ЭСТОСАДОК.
ДОМ ХЕЛЛАРДА ТОБИАСА.
23 августа 1988 г.**

[Сейчас Красная Поляна другая. Наткнулся на свою старую дневниковую запись, может кому и будет интересно, вспомнят некоторые имена.]

Лечусь чистотелом. Растет прямо в огороде, как и в Абхазии. Красно-желтый сок. Знахарка Ольга Никифоровна Коломиец сказала, что хорошо помогает от разных болячек. Она одинока. Отец был известным на Кубани знахарем. Костоправ. Заговаривал кровь. Баба Фрося, гречанка, живет около рынка на Кр. Поляне. Заговаривает лишай и экзему. Заговор читает 7 раз. Среда, пятница, воскресенье... К ней приезжает много людей.

Ольга Никифоровна дала мне настой из зеленых мелко нарезанных грецких орехов. Берутся 30 орехов, нарезаются и заливаются чистой водкой.

Эстонцы сказали, что у подножия Аибги видели медведя в чернике...

Рядом Мзымта. В нее впадает река Тихая. Было когда-то и абхазское название, говорят местные эсты, но сейчас его не помнят. На Тихой удивительная форель, рассказывает Хеллард Тобиас или «дядя Гена»: поплюешь на насадку, – ни за что клевать не будет, чувствует. А на Мзымте, поплюешь, – все равно берет.

Всем семейством видим, что часто летает вертолет. Сделает круг вокруг величественной Аибги (высота 2.400 м) – и назад, в Адлер. Эсты говорят, что катают иностранцев за валюту.

По берегу Мзымты ежевика. Мелкая, желтая, с красными точечками, алыча. Куснешь – косточка отходит от бархатного тела. Подвесной деревянный мост. Ульи. Лыжная база. Спуск с гор прорыли на 900 м бульдозером. Собираются подобраться к самой Аибге. Так рушатся горы, вырубаются леса.

В 20-х годах здесь отдыхал Андрей Белый, который встретил библейского старика абхазца, пасшего овец.

Красная смородина и последние шампанские яблоки. Вкусные лисички с картошкой и луком. Компот.

Хеллард Тобиас почти ослеп. Ему 58 лет. Был шофером. С 12 лет работал в колхозе. Дед был лесником еще до революции. Поселился здесь в 1886 г., когда и основали эстонцы свое поселение на Красной Поляне. Отец Хелларда был учителем, – в 37-м его вместе с другими эстами (всего 42 мужчины), арестовали, а в 38-м, говорят, вывезли на барже в Чёрное море – и утопили.

С. Лакоба

Р. Х. АГУАЖБА

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ Д. ГУЛИА

Ибрахим Джинджал, проживший свыше ста лет, обладал ясным аналитическим умом, прекрасно разобрался в политике. Находясь долгое время в Абхазии, изучал места, подходящие для возвращения абхазов из Турции. По этим делам он неоднократно встречался с Н. Лакоба и Дмитрием Гулиа (1918 г.). Ведь не случайно, по воспоминаниям И. Лакрба, стихотворение Дм. Гулиа «Сыпсадгьыл» – «Родина» было посвящено Нестору:

*Сыхаара Лакоба,
Иҟалазеи, закәызеи,
Абас улахь зеиқәузеи?
Нхыҟка иҟоу угәырәоума?
Мшыҟ нырцә иҟоу уцәбоума?
Сыхаара Лакоба,
Абас улахь зеиқәузеи?*

Но когда Дм. Гулиа прочел это стихотворение – шедевр абхазской поэзии, Нестор попросил убрать его имя.

Р.Х. Агуажба. Люди в черкесах (Историко-литературное эссе). Часть I. Сухум, 2022. С. 380–381.

СТАЛИН В ЛДЗАА

В начале 1930-х гг. Нестор Лакоба пригласил Сталина в гости в село Лдзаа (Пицунда) к писателю Михаилу Гочуа.

Во время застолья, Сталин обратил внимание на мальчугана, который, несмотря на жару, бегал в шапке и отказывался ее снимать. Улучив момент, он поймал его, сорвал шапку, а пацан развернулся и ударил Сталина по лицу. Оказалось, что мальчуган был плешивый и очень стеснялся этого. Всем стало очень неловко, никто не ожидал такого поворота. Нестор попытался замять инцидент и, обращаясь к Сталину, сказал в присутствии Михаила Гочуа и гостей: «Коба, видите, какой это гордый народ, – он не терпит насилия».

НИКОЛАЙ II И ВОССТАНОВЛЕНИЕ БЕДИЙСКОГО СОБОРА

В мае 1912 г. Николай II посетил в Гагре климатическую станцию своего родственника принца А.П. Ольденбургского. Императора России торжественно встречали на берегу. Среди почетных представителей, которые поднесли хлеб-соль царю была почетная делегация абхазского высшего сословия во главе с городским головой г. Сухума князем Александром Григорьевичем Шервашидзе.

В 70-х гг. прошлого века, работая в Ленинграде на набережной Красного Флота, в Центральном государственном историческом архиве СССР, мною было обнаружено прошение абхазских князей на имя императора. Как сказано в документе:

«На подлинном Е. И. Величеству собственноручно благоугодно было начертать: *«Прочел с удовольствием. Разрешаю восстановить древнюю святыню Абхазии».*

Ваше Императорское Величество,
Всемилоостивейший Августейший Государь.

В глубоком благоговении и радости вся издревле православная страна наша встречает Вас, своего Обожаемого Монарха. Здесь место св. подвигов апостолов Андрея и Симона, здесь же среди многих развалин святых храмов имеется древний Бедийский храм, в прежней резиденции митрополитов Абхазии, построенный еще в X веке.

Благочестивый Православный Государь. Все православное население Абхазии, окружающее Беди, жаждет восстановления этой православной святыни, а особенно мы, верноподданные Твои – многочисленная семья Шервашидзе, среди имений которых находится Бедийский храм.

Благоволите, Возлюбленный Государь, разрешить в память Вашего первого пребывания в Абхазии восстановить эту великую святыню древности и пусть древнейший в этих местах христианский храм вечно напоминает всем о боголюбивых русских Царях православных.

Князь Александр Григорьевич Шервашидзе.

Князья: Григорий Шервашидзе, князь Алексей Гидов Шервашидзе, Шерибей Башаев Шервашидзе, Нахарбей Мурзаканов Шервашидзе, кн. Алексей Дмитриевич Шервашидзе, кн. Константин Николаевич Шервашидзе, Иван Григорьевич Шервашидзе.

16 мая 1912 г.

Гагры

Справка. Определением Св. Синода от 26 марта 1913 г. за номером 2663 назначено единовременное пособие в размере 6000 руб. на восстановление Бедийского храма.

Справка наведена 21 июня 1913 г.

[В деле имеются 2 фотографии Бедийского храма при стечении абхазского народа]

(См.: ЦГИА СССР. Фонд 797. Опись 82. Дело 132: По всеподданнейшему ходатайству о восстановлении построенного в Абхазии в X веке Бедийского храма. 1912 г. – л. 1–9)

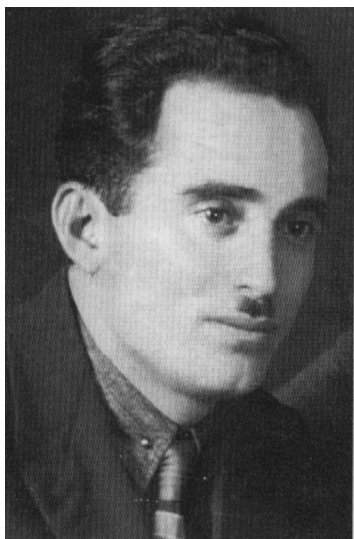
Публикация подготовлена Станиславом Лакоба

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

В следственных материалах, донесениях и справках периода репрессий неоднократно упоминается А.К. Лакоба. Так, в комментариях сборника документов «Абхазский архив» (М., 2003) сказано: «Лакоба Александра (Шура) Константиновна (1914–1966) – в 1930–1940-х гг. неоднократно преследовалась как близкая родственница «врага народа» Н.А. Лакоба и жена Г.К. Аджба» (С. 164).

В 1945–1946 гг. она упоминается в справке МГБ Абхазской АССР как «племянница врага народа Нестора Лакоба и жена Аджба Григория» (С. 64, 111–112).

В свое время в газете «Советская Абхазия» историк Б.Е. Сагария опубликовал небольшой очерк, посвященный Григорию Кирилловичу (в некоторых документах: Кадырович) (1903–1938), уроженцу с. Ачандара. Он блестяще окончил школу, с 1928 г. работал 1 секре-

Григорий Аджба

Александра Лакоба

тарем Гудаутского комсомола, затем заведовал кадрами в Абхазском обкоме партии, а с 1934 г. был 1 секретарем Очамчирского райкома партии. Осужден был 28 апреля 1938 г. и расстрелян 1 августа 1938 года (Большой террор в Абхазии... т. 1. С. 122; т. 2. С. 287).

Некоторые подробности биографии этих людей стали известны благодаря их дочери Бэллы Григорьевны Аджба (инженер-экономист). Она пишет:

«Лакоба Александра Константиновна, моя мама, родилась 8 августа 1914 г. в селе Лыхны Гудаутского района. Она училась в Сухумском интернате вместе с Любой Назадзе и Нелли Трапш. После окончания интерната поступила в Тбилисский университет. В 1933 г. вышла замуж за Аджба Григория Кирилловича, будущего первого секретаря Очамчирского райкома партии. В 1938 г. папа был репрессирован как троцкист и враг народа. Полностью реабилитирован в 1956 году.

После ареста папы маму вместе со мной выдворили из нашей квартиры, и она вынуждена была вернуться в село Лыхны к своей маме. Таким образом, у нас на иждивении оказались несовершеннолетние три брата, две сестры, больная бабушка и я. Мама устроилась на работу в Гудауте. Она работала кассиром в сельпо, затем кассиром в Гудаутском курортторге. Транспорта тогда не было, и маме приходилось в день совершать более 20 км пешком. Из университета ее отчислили как двоюродную сестру Нестора Лакоба и жену троцкиста. Потрясающее чувство юмора помогало ей не драматизировать события, и она иногда напевала песню на тбилисский лад «пароходи мидис, модис» и мы заливались хохотом».

ХАГУШ
Иван Халилович
(1913–1989)

Предпоследний ребёнок ХАГУШ Халила Тамаговича.

Иван родился в многодетной абхазской семье предпринимателя Халила Тамаговича в 1913 году в селе Калдахвара. Точная дата его рождения неизвестна, но все родственники условно считали днём его рождения 30.12.1913, хотя этого дня никто из домочадцев не отмечал. Это были просто паспортные данные, которые сам Иван Халилович объяснял как условность, в которой наиболее правдоподобным числом был только год. Он шутил, что абхазы и год запоминали по природным явлениям или памятным событиям, например: «год большого

снега», «год наводнения», «год пожара на мельнице» и т. д.

О своих предках и ближайших родственниках он в рассказах сообщал следующее. Его дедом был ХАГУШ Тамаг, который проживал в Калдахваре со своим родным братом Каташем. В Калдахвару пришли их родители в период русского вторжения в абхазские и убыхские земли. Ему в селе принадлежали свой дом (расположенный несколько выше разрушенных старых ворот на въезде в Калдахвару), постоянные дворы, две мельницы, пара отар овец и пара табунов лошадей. Возможно, что информация не соответствует действительности, но территория Калдахварской низменности принадлежала именно ему. Он считался хозяйственным и зажиточным. Был женатым, имел детей, из которых нам сообщено только про двоих сыновей: Халиле и Маате. О личности жены ничего неизвестно.

Материальное благосостояние семьи Тамага активно поддерживал предположительно младший брат Каташ, проживший всю жизнь холостым и бездетным. Основной деятельностью Каташа было абречество. Добытыми таким способом деньгами он обеспечивал жизнь родителей и брата. Весть о его гибели (возможно, во время грабежа) была принесена родителям посторонними людьми.

Жизнь Мааты Тамговича ХАГУША в памяти ныне живущих родственников следов не оставила.

ХАГУШ Халил Тамагович родился в конце 1850-х – начале 1860-х годов. Он принял от отца всё его домохозяйство и довёл его до значительно большего совершенства. Достоверно известно, что Халила основатель курорта Гагры принц Александр Петрович Ольденбургский считал главным поставщиком сыра к столу Его Высочества. Отношения с принцем у Халила были достаточно близкие, т.к. на некоторых фотографиях дочь Халила Тинат сфотографирована рядом с некоторыми юными родственницами из окружения принца. Халил умер в начале 1920-х годов внезапно, когда вся его семья находилась на Авадхаре. Тело обнаружили работники, помогавшие в доме. Когда члены семьи вернулись в дом, они обнаружили только разорённое хозяйство. Ничего ценного не осталось. Сыновья кинулись искать деньги, так как были уверены, что у отца были царские золотые монеты, но ничего не нашли.

Халил был женат дважды. Первой его женой была МУКБА Мария, родившая ему семь детей. После её смерти второй его женой стала Екатерина ТАРБА, которая родила ему только одного ребёнка. Екатерина слыла известной красавицей в Гаграх, но числилась «чёрной вдовой», т.к. до Халила из жизни ушли трое её предыдущих мужей.

Детьми Халила от первого брака были: Минака (1880 г.р.), Тинат (1883), Коция (1886?), Алексей (1903), Мурат (1908), Щкоука (Анна) (1909), и Иван (Чач) (1913). От второго брака имел только одного сына Шалико (1920).

После смерти отца старшие дети забрали у Екатерины брата Шалико, и их воспитание и содержание взяла на себя старшая сестра Тинат, за что до самой её смерти она имела в семье прозвище Дэда.

В 1930 году Ивану (Чачу) исполнилось только 17 лет. Скорее всего, это и был тот самый год, когда он, взяв котомку за спину, направился пешком в Сухум, чтобы найти себе оплачиваемую работу. Известно, что в самом начале 1930-х годов Ивана отправили в Ленинград учиться на водителя. Там он пробыл целых два года, и вер-

нулся обратно, имея хороший навык не только в управлении, но и выучив методологически на всю жизнь ПДД, а также общее устройство автомобилей.

По возвращении из Ленинграда он, действительно, стал работать водителем в наркоматах.¹ Мне известно только о его работе водителем гаража наркомзема у Михаила Исламовича ЧАЛМАЗА.

В 1935 году Иван женился на ПОСИДЕЛОВОЙ Галине Васильевне (18.06.1916 г.р.). Они получили квартиру в доме на бывшей улице Чавчавадзе (тогда Комсомольской, если не ошибаюсь, нынешней Гулиа). 31.01.1937 у Ивана с Галиной родилась дочь Лариса. В 1938 году в семье родилась ещё одна дочь Инна. Второй ребёнок умер от болезни в возрасте двух лет в 1940 году. От Галины Васильевны мне было известно, что после 1937 года Ивану Халиловичу тоже предлагали скрыться от возможных преследователей в лесах и горах Абхазии, но не помню, воспользовался ли он такими советами.

Сразу с началом войны Ивана призвали по мобилизации в армию. Он за три месяца окончил Сухумское военно-пехотное (именно так!) училище и младшим лейтенантом убыл в состав Закавказского фронта. После переименования фронта в Кавказский продолжил своё участие в действиях этого же фронта. После получения ранения в 1942 году он был доставлен в военный госпиталь в Тбилиси. Излечившись, он вернулся в Сухуми, где был назначен начальником транспортной части 119-го стрелкового полка (эти сведения не проверял). Гаражи транспортной части располагались вблизи ВИЭМа. Военную службу Иван Халилович завершил в звании старшего лейтенанта 18.03.1946.

После военной службы некоторое время работал заведующим гаражом, заочно обучаясь в Батумском техникуме советской торговли. В этот период из-за связи с другой женщиной, бывшей фронтовичкой, у Ивана произошёл семейный конфликт, и он развёлся с первой женой. Вторую жену звали АНДРЕЕВОЙ Тамарой Семёновной (31.12.1925 г.р.). Оставив первую жену в квартире, Иван со второй женой переселился в строящийся им дом на Сухумской горе. Старший сын в новой семье Астамур родился 15.06.1948. Вторым сыном

---

¹ В начале 1980-х гг. И.Х. Хагуш рассказывал С.З. Лакоба, что в 30-х гг. работал в правительственном гараже, и он, порой, возил Нестора, подменяя его личных водителей.

стал Дмитрий (1950–1951), проживший всего один год. Младший сын Тимур (12.12.1952 – 10.10.1983) был последним ребёнком Ивана и жены Тамары. Дочь от первого брака Лариса преимущественно воспитывалась у своих бабки с дедом, проживавших на улице Шотландской (бывшей Гулиа).

По завершении учёбы в техникуме работал последовательно директором столовой, кафе, ресторанов и треста точек общепита. Мне памятни 1960-е года, когда Иван Халилович возглавлял кафе «Чайка», располагавшееся в сквере в западной части набережной, недалеко от гостиницы «Тбилиси». Потом он руководил рестораном «Амра», а в начале 1970-х был назначен директором ресторана «Диоскурия». В конце 1970-х – начале 1980-х годов ХАГУШ И.Х. руководил трестом точек общепита.

Из жизни ХАГУШ Иван Халилович ушёл в 1989 году в Первой городской больнице, и вопреки традициям был похоронен на городском кладбище по улице Чанба. Рядом с ним упокоились его младший сын Тимур и вторая жена Тамара, завершившая жизнь 24.10.2005.

Федор Тимофеев, внук И.Х. Хагуш, кандидат исторических наук, СПб.

ИГУМНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1855 –1924)

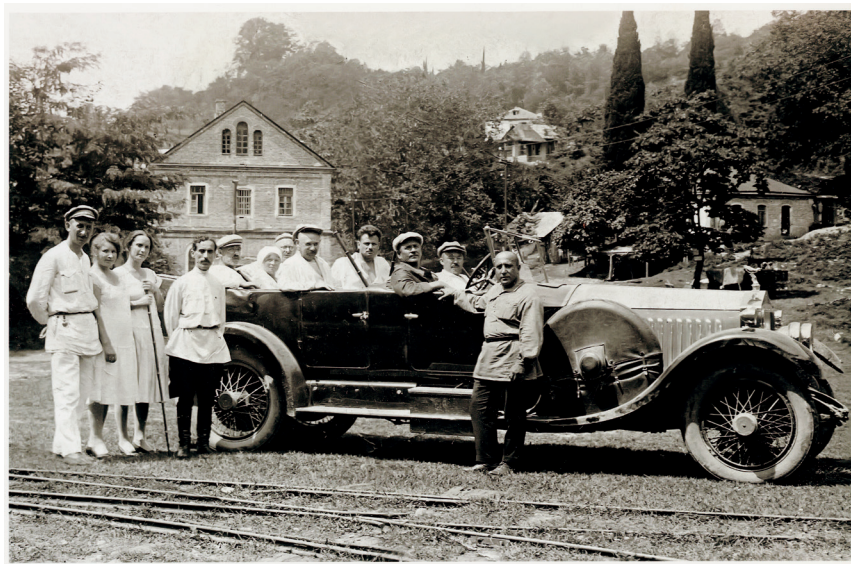
Купец первой гильдии, благотворитель, золотопромышленник. Проживал в г. Ярославле; владел торгово-промышленным товариществом «Ярославская Большая мануфактура» и золотыми приисками в Сибири. В 1888–1895 гг. построил особняк в Москве, в котором бывал наездами; в 1901 году устроил в нем бал с рассыпанными по полу золотыми монетами с изображением царя Николая II. Узнав об этом, царские власти решили наказать Игумнова; дом конфисковали, а его сослали в Абхазию, в с. Алахадзы (ныне – Гагрский район).

Здесь он скупил у местных князей заболоченные земли, освоил их, проложив оросительный канал, построил жилые и служебные здания, водонапорную башню, электростанцию, кирпичный и рыбоконсервный заводы, завез племенной скот, заложил фруктовый сад с плантациями манго, киви, тунга, табака, фейхоа, мандаринов и т. д. После установления советской власти в Абхазии в 1921 году владения Игумнова были национализированы. Игумнов, отказавшись эмигрировать, остался в с. Алахадзы и до конца жизни работал агрономом в созданном уже в 1921 году совхозе (позднее – совхоз имени III Интернационала; Гагрский цитрусовый совхоз). Скончался Игумнов в 1924 году; похоронен в с. Алахадзы.

Литература: Титов И. Я. Гагрский цитрусовый совхоз. – М.: «Колос», 1980.

А.Я. Дбар

Лев Троцкий был дважды в Абхазии. Судя по всему, этот снимок сделан весной 1924 или 1925 г. в селе Адзюбжа. Рядом с водителем очень редкого «Роллс-Ройса» под названием «Серебряный призрак», приспособленного для охоты, сидит А.М. Чочуа (в кепке, в очках и с усами), около шофера стоит начальник охраны руководителей СССР Абрам Беленький (лысый), потом охрана, а на заднем сидении, первые слева – Л.Д. Троцкий и его жена Наталья Седова. Рядом с Троцким (сидит в кепке) стоит С.Я. Чанба.

Фото из семейного архива внука Самсона Чанба – Леонида Чанба.

*Станислав Лакоба
Бесик Авидзба*

*На фото:
В первом ряду, первый – Василий Лакоба (в гимнастике);
Второй ряд: Лаврентий Берия, Нестор Лакоба, чуть поодаль
Нури Багаши (в кепке), Алексей Агрба (в плаще и сапогах);
В третьем ряду, первый слева Владимир Ампар (в белой фуражке
и белой рубашке) и крайний справа Владимир Ладария (лысый).
Сухум, Госдача (в парке Н. Смецкого), начало 1930-х гг.*

Сергей МАНЫШЕВ

Timothy K. Blauvelt, Clientelism and Nationality in an Early Soviet Fiefdom: The Trials of Nestor Lakoba (London; New York: Routledge, 2021). 264 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 978-1-032-01002-1

Вдруг товарищ Сталин встал с поднятым фужером. Грянула тишина, и через миг воздух очистился от мусора звуков.

– Я подымаю этот бокал, – начал он тихим внушительным голосом, – за эту орденоносную республику и ее бессменного руководителя...

Он замер на долгое мгновение, словно в последний раз стараясь взвесить те высокие качества руководителя, за которые он однажды его удостоил сделать бессменным. И хотя все понимали, что он никого, кроме Лакобы, сейчас не может назвать, все-таки эта длинная пауза породила азарт тревожного любопытства: а вдруг?

– ...моего лучшего друга Нестора Лакобу, – закончил Сталин фразу, и рука его сделала утверждающий жест, несколько укороченный тяжестью фужера.¹

Так описывал в своем романе «Сандро из Чегема» одно из сталинских застолий Фазиль Искандер, отдавая должное популярности советского руководителя Абхазии Нестора Лакобы.

В историографии этой личности уделено сравнительно мало внимания: еще в советский период первым секретарем Абхазского областного комитета Компартии Грузии Михаилом Бгажба была издана небольшая апологетическая книжка, в которой, как и положено, были сглажены все острые углы биографии Лакобы.²

В издании были опубликованы фотографии Лакобы с Сергеем Кировым и Георгием Орджоникидзе, Феликсом Дзержинским и Михаилом Калининым, которые должны были вписать реабилитированного деятеля в общесоветский партийный пантеон. Но

---

¹ Фазиль Искандер. Сандро из Чегема. 1 // Фазиль Искандер. Собрание. Том 4. Москва, 2003. С. 350.

² М.Т. Бгажба. Нестор Лакоба. Тбилиси, 1965.

лишь к концу перестройки о Несторе Лакобе стали писать много. Его однофамилец профессиональный историк Станислав Лакоба в своих «Очерках политической истории Абхазии» почти треть книги уделил «Постскриптуму», в котором рассматривалась биография Нестора и судьба его семьи.¹ Тогда же, на излете советской эпохи, Институт истории партии при ЦК Компартии Грузии издал статьи и речи Нестора Лакобы.² Это означало не только его формальную реабилитацию, но и легитимизацию в советской историографии. Однако до сих пор никто не пытался написать полноценную биографию этого политического деятеля, поэтому работа Тимоти Блаувельта вызывает неподдельный интерес.

В современной Абхазии сформировался культ Нестора Лакобы: его имя носят улицы, а созданный еще в 1980-е годы, затем разрушенный в ходе грузино-абхазской войны мемориальный музей планируют восстановить. Эта же институция издает исторический альманах «Нестор». Вероятно, такая популярность связана с тем, что, по распространенной версии, именно за свою непримиримую позицию, в том числе и по отстаиванию автономии республики, Лакоба был отравлен Лаврентием Берией. Таким образом он выступает как символ оппозиции Грузии и грузинским притязаниям на территорию Абхазии. С другой стороны, оказавшись одной из первых жертв Большого террора в Абхазии, сам Лакоба не принимал в нем участия. Да и трагическая судьба его жены и сына делают из типичного советского функционера мученика, чья реальная биография обросла огромным количеством мифов и предположений (о них Блаувельт говорит в эпилоге своей книги). Словом, «вожди такие же люди, как мы, только гораздо лучше», – как говорил один из героев Фазиля Искандера.³ Блаувельт сравнивает образ Нестора Лакобы, сформировавшийся сегодня, с фигурой Джорджа Вашингтона: «хороший и добрый отец нации, честный до безобразия, который не мог ошибиться или обмануть, любимый и уважаемый народом» (Р. 234).

Через призму биографии своего героя Блаувельт рассматривает историю Абхазии, вмещающую и «национальное пробуждение»

---

¹ С. З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 101–140.

² Н. А. Лакоба. Статьи и речи / Сост. А. О. Тулумджян. Сухуми, 1987.

³ Искандер. Указ. соч. С. 331.

начала XX в., и революцию, и последовавшую за ней советизацию. Коснувшись кратко в первой главе происхождения и ранней биографии Лакобы, автор переходит к сюжетам периода революции. Интересно, что на этой национальной окраине революционные события 1917 г. первоначально не нашли особого отклика. Именно благодаря Лакобе и другим абхазским социалистам идеи большевиков начали приобретать популярность – в отличие от меньшевиков, большая часть которых в регионе была этническими грузинами, которых абхазы подозревали в национализме. Книга реконструирует революционные события в Абхазии: от создания революционно-крестьянской дружины «Киараз» в конце 1917 г. до советизации весной 1921 г. Автор рассказывает о первых попытках захвата власти большевиками, которые не увенчались успехом, что вынудило членов «сухумской коммуны» уйти в подполье, и о политике правительства Грузинской Демократической Республики в отношении Абхазии. И хотя ничего существенно нового автор нам не сообщает, этот исторический экскурс необходим для понимания становления Нестора Лакобы как последовательного большевика.

Победа большевиков в Абхазии в марте 1921 г. поставила вопрос о формировании кадров местной администрации. Защищая свой статус, «местные» члены обкома успешно объединились против «пришлых» – русских и грузинских членов партии. Катастрофическая нехватка квалифицированных абхазских кадров при недопущении посторонних привела к тому, что горстка абхазских большевистских лидеров на все мало-мальски значимые должности назначала своих родственников. Блаувельт рассматривает этот период деятельности Лакобы как череду конфликтов: сначала с председателем Ревкома Абхазии Ефремом Эшбой, а затем со своими бывшими сторонниками, обвинявшими Лакобу в авторитарном стиле и препятствованию в проведении реформ. Следующий конфликт возник между Лакобой и главой ЧК Алексеем Агрбой, причем, на стороне чекистов выступили бывшие соратники Лакобы. Но и из этого конфликта он сумел выйти победителем.

Автор посвящает несколько глав скрупулезному разбору всевозможных доносов на Лакобу и реакции на них с его стороны, а также со стороны партийных органов Грузии. Иногда подбор фактов и их изложение создают впечатление (особенно это касается глав 3, 4 и 6), будто вся история Абхазии в рассматриваемый период определялась исключительно злоупотреблениями личной властью Лакобы.

Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что ранее в историографии этим сюжетам вообще не уделялось внимания.

Автор обильно и, на мой взгляд, даже слишком обильно цитирует партийные документы и выдержки из частной переписки Лакобы. В связи с этим возникает важный методологический вопрос: насколько можно доверять официальным документам сталинской эпохи? Всегда ли изложенная в них информация соответствовала действительности? Думаю, что нет, и масса введенных в научный оборот за последние 30 лет документов того периода только подтверждает обоснованность подобных сомнений. Тогда встает следующий закономерный вопрос: насколько правдоподобными были те обвинения, которые выдвигались в адрес Лакобы? Не были ли они лишь риторическим отражением борьбы за власть, оформленной при помощи систематических доносов? К сожалению, автор вовсе не касается этого чрезвычайно важного вопроса.

Большой интерес представляет восьмая глава исследования, в которой автор описывает то, как выстраивались взаимоотношения между Лакобой и Лаврентием Берией. Берия умело воспользовался связями и поддержкой Лакобы для того, чтобы занять должность первого секретаря Закавказского крайкома, а затем избавился от своего покровителя.

В заключительной девятой главе подробно излагается методика превращения советского функционера во врага народа, что произошло с Лакобой уже после его смерти. После пышных государственных похорон и речей, целой череды коммеморативных мероприятий, всего через несколько месяцев его останки, захороненные в ботаническом саду Сухуми, были эксгумированы и перенесены на одно из общественных кладбищ. Затем газеты стали активно критиковать покойного руководителя республики и его еще живых соратников. Во время показательных судебных процессов 1937 г. все они, включая Лакобу, будут объявлены организаторами крестьянских выступлений 1931 г. в Гудауте, которые будто бы являлись «кулацкими». Им припишут «вредительство» на Ткуарчалском угольном месторождении. И, конечно, Лакоба будет признан турецким шпионом еще с 1919 г.

Остается сожалеть, что автор не стал углубляться в обстоятельства смерти своего героя, упомянув лишь то, что, по его словам, «вошло в область мифологии» – обед у Берии, после которого Лакобе стало плохо и он скончался. Этот сюжет стал кульминацией взаимо-

отношений между двумя политическими деятелями. От его интерпретации зависит понимание функционирования советской системы управления: если действительно Лакоба был отравлен, было ли это сделано с одобрения Сталина, а если нет – почему Берии сошла с рук самодеятельность такого масштаба.

В Заключении автор касается последовавшей после смерти Лакобы политики «огрузинивания» Абхазии. Оно началось с изменения местных топонимов и перевода абхазского алфавита на грузинскую графику. Кроме того, шел процесс активного переселения грузин из западных районов Грузинской ССР на территорию Абхазской АССР, что снижало процент этнических абхазов в населении республики. По мнению Блаувельта, возможность проведения агрессивной ассимиляционной политики по отношению к национальной автономии свидетельствовала об особом статусе Грузии в советской политической иерархии. Учитывая ситуацию в других регионах Кавказа, это утверждение мне представляется спорным.

Основной для книги Блаувельта тезис о патрон-клиентских отношениях как ключе к пониманию функционирования персоналистского режима, построенного Лакобой в Абхазии, а также к объяснению его поддержки в Москве, кажется мне не очень убедительным. Фраза «на Кавказе сети и неформальные связи имели особое значение для функционирования общества» (Р. 10) звучит как ориенталистское обобщение, не несущее особой смысловой нагрузки. Особый случай Абхазии под управлением Нестора Лакобы требует более конкретных объяснений.

Вероятно, на концепцию исследования и его выводы оказала прямое влияние используемая источниковая база. В основе книги лежат грузинские архивы, и можно лишь сожалеть, что автор не привлек материалы из российских архивов, прежде всего – Российского государственного архива социально-политической истории, а также Государственного архива Российской Федерации, которые позволили бы несколько иначе взглянуть и на взаимодействие абхазских революционеров с Кавказским бюро ЦК РКП(б), и на отношение партийной номенклатуры к Лакобе. Личный архив Лакобы сегодня хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира, и Блаувельт широко использует эту уникальную коллекцию. К сожалению, в книге отсутствует ее источниковедческая характеристика, включая описание судьбы этого собрания документов и его видового состава. Как мне представляется,

не хватает источниковедческой критики и при работе с чрезвычайно экспрессивными мемуарными свидетельствами родственников жены Нестора Лакобы Сарии – младшего брата Мусто Джихашвили и вдовы другого брата – Адиле Аббас-оглы.

Интересная книга Блаувельта уже вызвала дискуссионные отзывы.¹ Однако при всех разногласиях с автором, нельзя не согласиться с тем, что он успешно «воскресил Лакобу из незаслуженного забвения» (Р. viii), как написал в своем предисловии Рональд Суни. Книгу Блаувельта можно считать удачной попыткой вписать биографию типичного советского государственного деятеля в большую историю.

Ab Imperio, 3/2023. – С. 305–310.

---

¹ См., например, рецензию известного британского кавказоведа Джорджа Хьюита: B.G. Hewitt. Clientelism and Nationality in an Early Soviet Fiefdom: The Trials of Nestor Lakoba by Timothy K. Blauvelt (review) // *Slavonic and East European Review*. 2022. Vol. 100. No. 2. Pp. 381–383.

Джордж ХЬЮИТТ

**БЛОВЕЛЬТ, ТИМОТИ К. КЛИЕНТЕЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОСТЬ
В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ВОТЧИНЕ. ИСПЫТАНИЯ НЕСТОРА
ЛАКОБЫ. ABINGDON/NEW YORK, 2021. XV + 248 СТР. КАРТА**

В 2007 году Бловельт опубликовал статью «*Абхазия: покровительство и власть в сталинскую эпоху*» (*Nationalities Papers*, 35:2, 203–232). Эта книга по существу развивает темы этой статьи, которая упоминается здесь только в сносках и не приводится в библиографии.

Основное внимание уделяется карьере ведущего абхазского большевика Нестора Лакоба (1893–1936), особенно во время его правления в его родной многонациональной республике Абхазии (приютившейся между морем и горами на северо-западе Закавказья) с момента создания на местах Советская власть (1921 г.) до его смерти/убийства (1936 г.). Изучение влияния на операционную способность Лакоба перехода от первоначальной поддержки Москвой местных меньшинств (например, абхазов в период *коренизации 1920-х гг.*, «местное укоренение») к предоставлению преференциальных полномочий титульным нациям союзных республик (например, грузинам) в 1930-х годах на фоне постоянного личного и/или этнического соперничества как внутри демографически манипулируемой Абхазии, так и за ее пределами всегда давали ингредиенты для интригующего исследования. Разделенные властные отношения Сухума – по вертикали с Москвой (см. Грузинский Сталин) и по горизонтали с Тбилиси, резиденцией как правительства Грузии (опорой власти выходца из Абхазии-мегрела Лаврентия Бери), так и административного центра Закавказской Федерации (ЗСФСР.) – добавить пикантное усложнение. Первоначально союзная республика (1921 г.) со своей конституцией и флагом (1925 г.), Абхазия стала договорной республикой с Грузией, войдя в состав ЗСФСР С последней в 1922 г., до формального понижения в должности до автономной республики ВНУТРИ нее (1931 г.).

Предисловие редактора серии Рональда Сани задает тон, описывая более ранние отчеты как, вероятно, «неправильно запомненные» или, возможно, «избегаемые». Затем Бловельт идет к своей цели, цитируя обильные выдержки из архивов бесчисленных обвинений (например, кумовство, защита родственников/клиентов, покровительство этническим абхазам, вымогательство, взяточни-

чество, даже сговор с целью или сокрытие убийства), выдвинутых (иногда неоднократно) против Лакобы на протяжении многих лет со стороны, возможно, недовольных или завистливых лиц и/или следственных комиссий, направленных в Сухум или сформированных в Тбилиси для их расследования, что является «процессами» в названии. Вердикт Бловельта о оправданиях? – «Обыденная забелка» (134–141) или «Забелка комиссии Стуруа» (163–176 – т.е. «виновен»).

Одним из «обеливателей», когда без энтузиазма проводилась коллективизация, был сам Сталин, призывавший в 1929 году помнить «специфические особенности абхазской ситуации» и что «попытка механически перенести российские модели социалистического строительства на абхазскую почву» была бы ошибкой (161–62). Возможно, он имел в виду традиционный кодекс *ансуара*, регулирующий очень многое в поведении абхазов (в том числе почтительное отношение к старшим), или родообразующую практику дворян, поручающих сыновей крестьянским семьям на воспитание (об этом *аталычестве* см. статья: <https://abkhazworld.com/aw/abkhazians/culture/644-the-social-reality-of-atalyk>). Тем не менее оговорка Сталина о том, что Лакоба «находит поддержку во всех слоях абхазского населения», в итоге посмертно послужила подрыву его неприкосновенности (с. 209), подразумевая сочувствие элитам/*кулакам*.

Если его тезис верен, то как Бловельт объясняет непреходящую популярность Лакобы? Он приписывает это тем, кто идеализировал Абхазию при нем, особо пренебрежительно относясь к сегодняшнему ведущему абхазскому историку Станиславу Лакоба (переименованному в «Святислава» – с. 162), утверждая, что его политические труды часто опираются «больше на «народную память». «и приподнятое воображение, чем по документальным источникам» (с. 234). Одним из примеров такого «мифотворчества, направленного (сознательно или бессознательно) на приукрашивание исторической значимости Лакобы», является его заявление о том, что Сталин предложил Нестору пост начальника НКВД, который был отклонен. Это странное обвинение, поскольку сам Бловельт утверждал то же самое (с указанием источника) на стр. 215 своей статьи 2007 года. Разве неразумно предположить, что Сталин, отвергнутый таким образом, позволил Берии в следующем году ликвидировать своего завидного закавказского соперника (а позже и всю его семью)?

Естественно, историки вправе трактовать историю по-разному, но за гранью беспричинно-оскорбительного сравнения уважаемого

историка (С. Лакоба) с, пожалуй, самой ненавистной фигурой среди тех, кто намеренно фальсифицировал абхазскую историю на службе у грузин. националистической повестки, а именно Павле Ингороква (1893–1990) (с. 234). Ингороква сфабриковал в конце 1940х годов свою пресловутую «Гипотезу» (о том, что сегодняшние абхазы были пришельцами XVII века в Абхазию), по-видимому, для оправдания запланированной тогда депортации абхазов – она была впервые опубликована в 1950 году (*Мнатоби* 1 и 3), затем в монументальном *Гиорги Мерчуле* (1954).

Если бы абхазы когда-нибудь ознакомились с этим произведением, какова была бы их вероятная реакция? Репутация Нестора Лакоба не только не уменьшится, но, несомненно, улучшится, учитывая навыки, которые он должен был использовать для преодоления разнообразных проблем и достижения того, что он сделал для Абхазии за 15 знаменательных лет правления. Встречая такие высказывания о межнациональных отношениях, как «Кадыров критиковал грузинский шовинизм [...] среди грузинской интеллигенции и партийной верхушки, что, в свою очередь, вызвало абхазскую националистическую реакцию» (с. 147 за 1929 г.)...

Возможно, тогда характеристика книги редактором как «экстраординарная» оправдана, но не в том смысле, в каком предполагает Сани (или его автор намеревался).

12 мая 2023 г. открылась однодневная фотовыставка, посвященная 130-летию со дня рождения Нестора Лакоба, проведенная в Историко-мемориальном музее, носящем его имя.

«Данное мероприятие не является открытием музея, так как вы видите, что музей еще не готов. Закончился только первый этап ремонтных работ по восстановлению здания, сторевшего во время Отечественной войны. Сегодня с нами, к сожалению, нет директора музея Людмилы Владимировны Малия в связи с тяжелым состоянием ее здоровья. Именно благодаря ей и сотрудникам музея перед пожаром удалось сохранить архив в виде документов, фотографий и рукописей Нестора Лакоба», – подчеркнула сотрудница музея Кама Начкебия.

*На фото (слева направо): Владимир Зантария, Заира Лагвилава, Станислав Лакоба, Надежда Венедиктова, Любовь Сусналиева, Руслан Хашиг, Гули Кичба, Римма Когония, Роланд Лакоба.
Сухум, Музей Лакоба, 12 мая 2023 г.*

* * *

16 мая 2023 г. на 80-м году ушла из жизни Маля Людмила – директор Историко-мемориального музея Н. А. Лакоба.

Людмила Маля родилась 5 мая 1944 года в городе Гудаута в семье служащего. В 1963 году окончила Гудаутскую среднюю школу им. Н. А. Лакоба, в том же году поступила в Сухумский педагогический институт на факультет русского языка и литературы, который окончила в 1967 году. Работала преподавателем Приморской средней школы Гудаутского района. С 1968 года работала библиотекарем парткабинета Гудаутского отделения КП Грузии. В 1982 году была назначена директором Музея Н. А. Лакоба.

* * *

24 мая 2023 г. состоялось организационное заседание учрежденного Фонда «Абхазское историческое общество» (Фонд «АИО»), цель которого – формирование общей исторической культуры, освещение и популяризация отечественной и мировой истории, сохранение национальной памяти и объектов историко-культурного наследия.

Фонд призван поддерживать научные исследования, популяризацию результатов деятельности ученых Абхазии. Он также будет выполнять и следующие задачи: содействовать открытости и доступности архивов; поддерживать историческое образование; поощрять лучших учителей и молодых исследователей; создавать новые просветительские ресурсы (в Интернете, на ТВ, радио и др.).

Работа Фонда будет вестись по ряду направлений в соответствии с законодательством Республики Абхазия: исследовательская деятельность; сбор, сохранение и распространение исторической информации; экспедиционная и издательская деятельность; проведение публичных мероприятий, конкурсов, олимпиад, круглых столов; учреждение премий и стипендий.

В высший коллегиальный орган – Правление Фонда – входят 8 специалистов по истории Абхазии (А.Ф. Авидзба – председатель правления, И.В. Агрба – секретарь правления, О.Х. Бгажба, С.Ш. Салакая, В.З. Чамагуа, А.Я. Дбар, А.С. Габелая, С.З. Лакоба), представляющие

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА и Абхазский государственный университет.

На первом заседании председателем Фонда (единоличным исполнительным органом) избран кандидат исторических наук Станислав Лакоба.

* * *

30 октября 2023 г. в Сухуме почтили память жертв политических репрессий сталинско-бериевского периода. После церемонии возложения цветов к памятнику жертвам политических репрессий в сквере, который недавно назвали именем Сарии Лакоба – супруги Нестора Лакоба, состоялся митинг, на котором выступила Ирина Анатольевна Вардания.

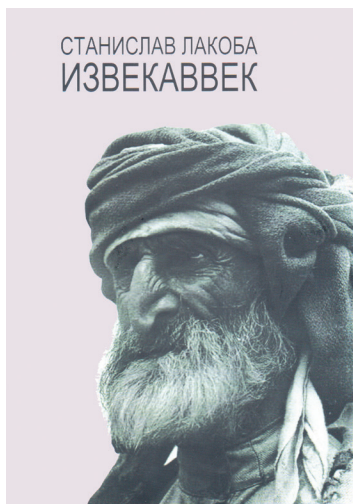
В церемонии возложения цветов к памятнику жертвам политических репрессий приняли участие вице-президент Бадра Гунба, спикер Народного Собрания – Парламента Лаша Ашуба, руководитель Администрации Президента Абесалом Кварчия, секретарь Совета безопасности Сергей Шамба, первый вице-премьер Беслан Джопуа, председатель Сухумского горсобрания Дмитрий Осия, заместитель главы Администрации города Сухум Автандил Сурмаидзе, члены Правительства, депутаты Парламента, представители общественности.

**ЛАКОБА С. З.
ИЗ ВЕКА В ВЕК: ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.**

Сухум: АБИГИ, 2022. 414 с.

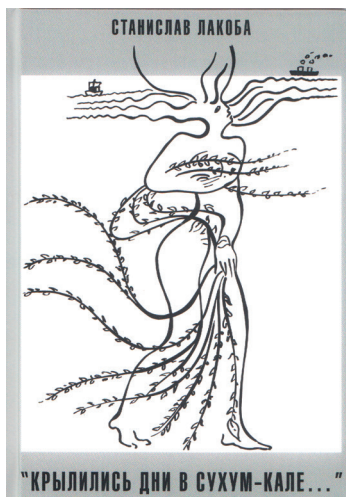
Историко-культурные очерки «Из века в век» представляют собой избранные труды разных лет кандидата исторических наук, профессора С. З. Лакоба. Книга рассчитана на всех, кому интересны история и культура Абхазии XIX–XXI вв.

**ЛАКОБА С. З.
«КРЫЛИЛИСЬ ДНИ В
СУХУМ-КАЛЕ...»: ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.**

Издание третье. Сухум:
Абгосиздат, 2023. 256 с.

Эта книга Станислава Лакоба, изданная в 1988 году, уже через несколько лет стала библиографической редкостью. Автору удалось в яркой художественной форме передать творческую атмосферу Сухума 1920-х годов, когда тон в театральной и поэтической жизни задавали выдающиеся представители новой

волны России – Николай Евреинов, Николай Фореггер, Василий Каменский, Александр Чачба-Шервашидзе, Виктор Стражев, Вадим Шершеневич, Наталья Бутковская и другие.

Особую ценность книге придают найденные автором публикации и архивные документы, в которых Андрей Белый, Осип Мандельштам, Исаак Бабель, Мариетта Шагинян писали об Абхазии.

Сухум предстает перед читателем как живой, полный энергии город, открытый художественным исканиям, морским ветрам и вечности.

**«ИЗВЕСТИЯ» И «ТРУДЫ»
АБХАЗСКОГО НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА (1925–1930).**

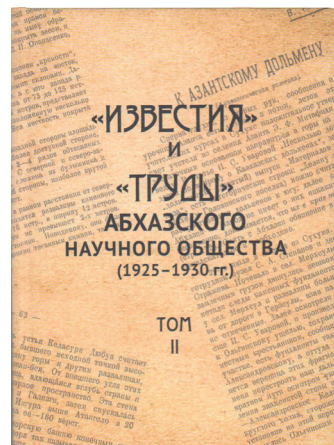
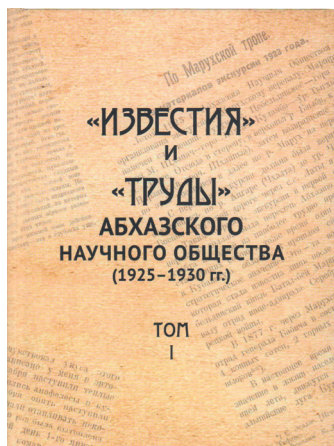
В 2 томах / Отв. ред.: А.Е. Ашуба;
Сост.: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар.

Т. I. Сухум: Дом печати; АБИГИ,
2022. 432 с.

В первый том данного сборника вошли выпуски I и II «Известий Абхазского научного общества», которые давно стали библиографической редкостью. Выпуски воспроизводятся репринтным способом. «Известия Абхазского научного общества» включают в себя статьи как гуманитарного, так и естественно-научного характера, представляющие интерес и в наши дни.

Предлагаемое издание дополняет вышедшее ранее исследование «АБНО и его разгром (1922–1931 гг.)». Сборник приурочен к 100-летию юбилею Абхазского научного общества (АБНО), образованного 6 августа 1922 года.

Т. II. Сухум: Дом печати; АБИГИ,
2023. 488 с.

***

РЕДКИЕ КНИГИ ОБ АБХАЗИИ.

Сост.: А.Я. Дбар, А.С. Керопян.

Выпуск I. Сухум, 2023. 492 с.

Сборник «Редкие книги об Абхазии» (вып. I) состоит из девяти книг и брошюр, изданных в дореволюционные годы в Российской империи и посвященных в основном Гагре (хотя, разумеется, в них рассказывается не только о Гагре). Эти малоизвестные книги и брошюры, за редким исключением, не переиздавались и представляют интерес как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей.

Выпуск II. Сухум, 2024. 400 с.

Сборник «Редкие книги об Абхазии» (вып. II) состоит из семи книг и брошюр, изданных в дореволюционные годы в Российской империи и в раннюю советскую эпоху, и посвященных в основном городу Сухуму (хотя, разумеется, в них рассказывается не только о столице Абхазии). Эти малоизвестные книги и брошюры, за редким исключением, не переиздавались и представляют интерес, как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей.

* * *

**ВОРОБЬЕВ Н.И.
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ.**

Сухум, 2022. 288 с.

Сост.: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар.

Книга представляет собой переиздание трудов секретаря Общества изучения Черноморского побережья Кавказа Николая Ивановича Воробьева (1861–1950): «Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавказа (Анапа – Турецкая граница). Вып. I» (впервые увидела свет в Петрограде в 1915 г.; вторая часть работы, в связи с революционными событиями в России и скорым отъездом автора в эмиграцию, не вышла в свет) и брошюры «О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию)» (впервые вышедшей в Ростове-на-Дону в 1919 г. и переизданной в Сухуме в 1990 г.).

* * *

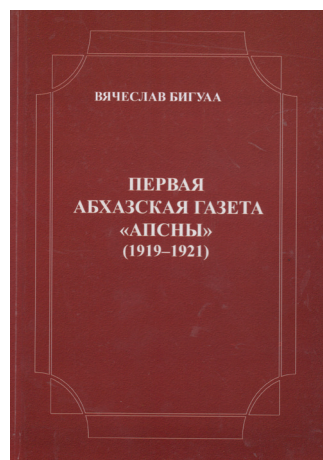
**БИГУАА В.А.
ПЕРВАЯ АБХАЗСКАЯ ГАЗЕТА
«АПСНЫ» (1919–1921):**

(ИСТОРИЯ. ПУБЛИКАЦИИ.

ПОЭТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ).

Сухум: АБИГИ, 2023. 360 с.

Книга посвящена первой абхазской газете «Апсны», которая выходила после революции 1917 г., но до установления советской власти в Абхазии, в условиях сложнейшей политической и экономической ситуации в стране. Она сыграла огромную роль в укреплении

национального самосознания народа, развитию абхазской культуры и литературы.

В книге представлены неизвестные или малоизвестные страницы творчества таких выдающихся писателей и общественных деятелей, как Д.И. Гулиа, С.Я. Чанба, М.А. Лакрба (Лакербай), Д.И. Алания и другие. Произведения писателей, поэтов и публицистов исследуются в историко-культурном контексте. Такой подход позволил раскрыть особенности поэтики многих стихов, поэм, рассказов и драм, опубликованных на страницах газеты.

Книга рассчитана на специалистов-филологов, культурологов, историков, читателя, интересующегося историей Абхазии, абхазской культурой и литературой.

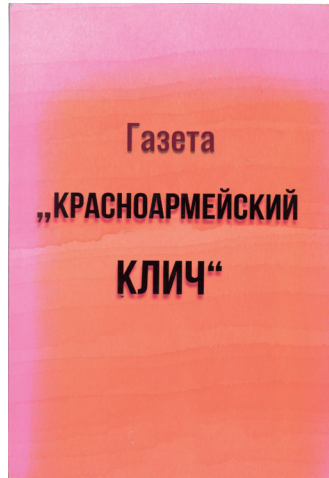
* * *

ГАЗЕТА «КРАСНОАРМЕЙСКИЙ КЛИЧ».

Составление, подготовка текста,
вступление, примечания – А.Я. Дбар.

Сухум, 2023. 79 с. – (Старая газета).

В сборнике приводятся полные тексты всех шести сохранившихся номеров малоизвестной газеты «Красноармейский клич» – органа политотдела 31 дивизии IX армии. Газета выпускалась в Сочи и Гагре в конце февраля – начале марта 1921 года, в дни, когда устанавливалась советская власть в Абхазии.

* * *

СТРУЙКА: СБОРНИК ЛИТЕРАТУРНЫХ КРУЖКОВ.

Сухум, 2023. 50 с. Серия: Забытая книга. Вып. 2.

Переиздание сборника «Струйка» (Сухум, 1923), в который вошли стихи и прозаические произведения, написанные сто лет назад сухумскими школьниками, учениками 1-й трудовой школы.

* * *

**ГУРКО-КРЯЖИН В.А.
АБХАЗИЯ.**

Сухум, 2021. 32 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба. Вып. 1).

Переиздание книги В.А. Гурко-Кряжина «Абхазия», впервые увидевшей свет в 1926 году в Москве. Рассчитана на широкий круг читателей.

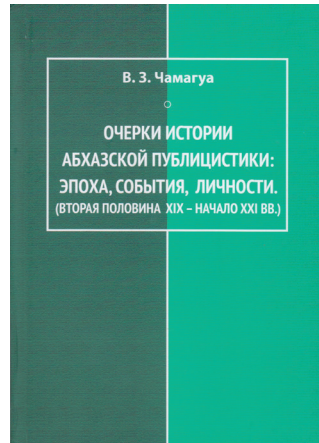
***

**ЧАМАГУА В.З.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ АБХАЗСКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ: ЭПОХА,
СОБЫТИЯ, ЛИЧНОСТИ: (ВТО-
РАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI
ВВ.).**

Сухум: Дом печати; АБИГИ, 2021. 576 с.

В данной монографии исследуются проблемы абхазской публицистики на протяжении более чем 150 лет. Приводятся источники, подтверждающие зарождение публицистики Абхазии не в 1919 г., при грузинских меньшевиках, как это принято считать, а гораздо раньше – со второй половины 19 века, о чем свидетельствуют печатные публикации абхазского этнографа и публициста С.Т. Званба. Вопросы развития и становления отечественной публицистики рассматриваются во взаимосвязи с дореволюционной, советской и постсоветской историей Абхазии.

Работа рассчитана на историков, политологов, публицистов и журналистов, а также на читателей, которым интересны тернии и успехи абхазской публицистики, как в прошлом, так и в настоящем времени.

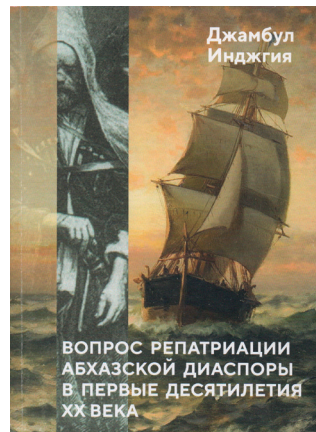

***

**ИНДЖГИЯ Д.Д.
ВОПРОС РЕПАТРИАЦИИ
АБХАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.**

Сухум, 2021. 84 с.

Вопрос репатриации махаджиров – абхазов, вынужденно покинувших родную землю, является одним из краеугольных для сохранения и дальнейшего развития абхазского этноса. Вопрос этот не нов, он ставится представителями аб-

хазской интеллигенции более ста лет, но до сих пор не получил положительного решения.

Работа Д.Д. Инджгия посвящена попыткам осуществления реэмиграции абхазов в первые десятилетия XX века. В частности, рассматриваются деятельность Сухумского комитета по делам абхазов-махаджиров (1920) и попытки руководства Абхазии и, в первую очередь Н.А. Лакоба, добиться возвращения изгнанников и их потомков на Отчизну. Большой интерес представляют и разделы, посвященные десанту абхазов-махаджиров в 1918 г. и поездке Е. Эшба и Н. Лакоба с товарищами в Турцию в 1920–1921 гг.

* * *

МОЛЧАЛИВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Авт.-сост.: С.З. Возба. Сухум, 2024.

– 200 с.+илл.

«Молчаливое поколение» – сборник свидетельств детей и внуков репрессированных в период с 1937 по 1956 год, основанный на устных рассказах и воспоминаниях (22 сыновей и дочерей репрессированных и 9 внуков).

Интервью, как правило, собраны и переведены на бумагу в 2019–2021 гг. Они позволяют читателю почувствовать ужасы пережитого репрессированными и их близкими. Настоящее издание – подлинная история людей, столкнувшихся с жестокостью государственной машины и посвящается памяти жертв политических репрессий.

Книга адресована исследователям, занимающимся историей, как классической, так и устной, а также широкому кругу читателей.

